

ЧАРОДЕЙКИ

— КАРИНА —
ДЕМИНА

ВДОВА ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Чародейки

Карина Демина

Вдова его величества

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Вдова его величества / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2022 — (Чародейки)

ISBN 978-5-17-134062-9

В шестнадцать Катарина стала очередной супругой Генриха VIII. В двадцать она овдовела, а в двадцать семь — сбежала из золотой клетки дворца. Но жизнь на свободе вовсе не так легка, как ей представлялось. Старое поместье бережно хранит свои тайны, новые родственники полны грандиозных планов, в которых Катарине отведено особое место, да еще кто-то явно вознамерился избавиться от бедной вдовы. И единственная надежда разобраться во всем — королевский дознаватель, верный слуга короны и сосед, который имеет дурную привычку разгуливать по чужим садам в неподобающем виде. Впрочем, что с нелюди взять? Разве что помощь, пару водяных лилий и обещание, что все когда-нибудь да наладится.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134062-9

© Демина К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Карина Демина

Вдова его величества

Серийное оформление – Екатерина Петрова

Иллюстрация на обложке – Дарья Родионова

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Чародейки»

© К. Демина, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

У свободы был вкус горелого пирожка, запивать который приходилось горьковатым и явно подбродившим компотом. По пальцам стекал жир, грозя добраться до кружевного манжета, и Катарина, оглядевшись и убедившись, что никому-то здесь не интересна, торопливо слизала каплю.

Зажмурилась от удовольствия.

Нет, жир горчил, и жарили на нем явно не первую порцию этих вот пирожков. И оттого горечь его пропитала тесто, а на золотистой корочке то тут, то там появились весьма характерного вида точки. Но само понимание, что она может вот так взять и облизать пальцы...

Душа пела. Сердце колотилось.

И только желудок опасно заурчал, предупреждая, что привык к совсем иной еде.

– Дорогая, – мьесс Джио к пирожкам отнеслась с некоторой долей предубеждения, а компот, понюхав, и вовсе отставила в сторону. – Не подумай, что я собираюсь критиковать твой выбор, хочу лишь напомнить, что следующая остановка лишь в Бристоне, до которого, если память мне не изменяет, более двадцати миль.

Катарина икнула. Она помнила.

Она прекрасно все помнила и даже осознавала, что эти двадцать миль в почтовой карете покажутся ей вечностью и что не стоит усугублять ситуацию, вот так пробуя весьма сомнительного качества пищу, но и отказать себе в этой малости Катарина не могла. Более того, промывав в ответ что-то невнятное, она вцепилась в пирожок зубами, и тесто лопнуло, правда, не с той стороны, где ожидалось, и горячее повидло потекло на пальцы, а с них не замедлило плюхнуться на юбку.

Что ж, следовало признать, что и у свободы имелись свои недостатки.

Мьесс Джио молча протянула платок.

– Благодарю, – Катарина позволила себе еще одну вольность, ответив с набитым ртом. Но пятно платком прикрыла. И пирожок доела.

И даже без компота. Пирожок ладно, а вот с компотом и вправду не стоит. Целительские амулеты далеко не со всякой напастью справиться способны.

– Не сожалеешь? – поинтересовалась мьесс Джио, забираясь в карету. Та была огромной снаружи, но притом удивительно тесной и душной изнутри.

Жесткие лавки стояли столь плотно друг к другу, что Катарина невольно касалась других пассажиров не только руками, но и коленями, что, кажется, весьма радовало пухлого господина, устроившегося напротив. Во всяком случае, он поглядывал на Катарину с немалым интересом и время от времени даже подкручивал кончики великолепных усов.

Или вот доставал часы. Откидывал крышку.

Глядел задумчиво, не столько интересуясь временем, сколько используя возможность продемонстрировать собственное состояние. Часы были позолоченными, а цепочка, может стать, даже золотой. И сей факт весьма заинтересовал соседку Катарину, женщину дебеловатую, степенную, обожающую рюшечки и трех дочерей, имена, да и подробности жизни которых скоро узнали все независимо от своего желания. Больше всего доставалось господину, но он не злился, а, напротив, явно чувствовал себя польщенным.

Интересно. И странно.

Странна теснота. Запахи, которых становится все больше. Многие неприятны, но Катарина согласна терпеть. И даже не тянется за платком, что пропитан розовой эссенцией. Она разглядывает этих людей, столь необычных и непривычных, что даже страшно.

Как она будет среди них? Вот так просто... взять и жить? Она уже забыла, что так можно.

– А вы, стало быть, вдова? – женщина переключила внимание на Катарину. – И давно?

– Давно, – сердце екнуло. А вдруг...

И тут же Катарина одернула себя. Это просто разговор. Обыкновенный. Не стоит искать в нем скрытых смыслов.

– Шесть лет.

– Сочувствую, – без толики сочувствия сказала женщина. – Сколько вам лет?

– Двадцать семь, – и здесь Катарина не лгала. Какой смысл?

Женщина пожевала губами, будто решая, стоит ли тратить на Катарину собственное время и драгоценное мнение, но все-таки снизошла:

– И стало быть, сирота?

– Почти. Тетушка... вот... имеется.

Упомянутая тетушка приподняла кружевной платок и кивнула, обозначая, что она и вправду имеется.

– Печально, печально... у меня есть одна знакомая, – женщина наклонилась, почти легла на колени пухлого господина, чье лицо вытянулось то ли от удивления, то ли от возмущения. То ли просто от страха не совладать с внушительными достоинствами случайной знакомой.

Этак ведь и раздавить человека можно.

– У нее весьма обширные знакомства, если вы понимаете... – громким шепотом произнесла женщина.

Катарина не понимала, но кивнула.

– И она весьма охотно способствует устройству личного счастья...

Господин крикнул, а Катарина с трудом удержалась, чтобы не сказать, что ее счастье однажды уже устроили. Хватит.

– И если пожелаете...

На нее уставились, ожидая ответа. Фыркнула мьесс Джио, а Катарина, потупившись, пролепетала:

– Понимаете... я... я так любила мужа... я до сих пор забыть его не могу. – И подхватила слезинку.

– Ну и дура, – спокойно ответила женщина, возвращаясь на место.

Как есть. Полная.

Кто еще добровольно променяет великолепный дворец на захолустный городишко? Откажется от титула и состояния, что стоит за этим титулом? Власти? Привилегий?

Ночных кошмаров. Страх, что однажды она, Катарина, станет слишком заметной фигурой, и тогда... дворцовые лестницы круты, а коридоры темны. И слабой ли женщине справиться с тварями, что в них обретаются?

Нет, нет...

Она отвернулась к окошку, крохотному и мутному, будто сделанному специально для того, чтобы подразнить. За ним проплывали поля и какие-то домишки. Колеса грохотали. Карета тряслась. И хотелось закрыть глаза и уснуть. Усталость навалилась сразу и вдруг. И руки задрожали, накатил привычный ужас, лишая самой способности двигаться, оставив одно желание – сползти на грязный пол и забиться под лавку. Но теплое прикосновение мьесс Джио вернуло способность дышать.

И считать.

Один – аметист. Хороший камень для целительских амулетов, но не терпит серебра, начинает болеть и мутнеет. А вот на платине, напротив, раскрывается.

Аместистами были украшены браслеты, которые надевали королеве на руки. И на ноги. До того, как эти руки и ноги украсились иными узорами. Браслеты древние, тяжелые и больше всего напоминают кандалы. И Катарина знает, что эти браслеты вполне могут смениться настоящими кандалами.

Если она даст повод.

– Закрой глаза, дорогая, – мьесс Джио умеет говорить так, что призраки отступают. – Поспи, нам далеко еще... хорошо, если дотемна доберемся.

– А куда вы направляетесь? – Этот голос прозвучал откуда-то издалека.

Катарина заставила себя слушать не людей, а карету. Скрип дерева. И стон металла, который тоже умеет уставать. Скрежет. Постукивание.

Слабый треск дорожного амулета, призванного облегчить вес этого чудовища на колесах. Но амулет устарел, да и не заряжали его давненько, вот и работал он едва ли в треть силы.

Ничего. Доберутся. А что к ночи, так оно и лучше... она все-таки заснула и оказалась в своих покоях. Огромное пространство, кровать под тяжелым балдахином. Шерстяные тюфяки придворных дам, которым выпала высокая честь дежурить этой ночью. Севилла сидит в одной ночной рубашке, слишком откровенной, чтобы это было прилично. Но она плевать хотела на приличия. Она ждет. Слегка подогнула одну ногу, вытянула другую. Волна светлых волос разметалась по обнаженным плечам. На фарфоровом личике застыло выражение счастья. Она надеется, что ее заметят.

И Катарина тоже надеется. Она готова принять новую фаворитку и уступить ей нынешнюю ночь, как и все последующие. Правда, Севилла не ограничится статусом фаворитки, она, как и многие, мечтает стать королевой. Девятой. Это ведь несложно.

Его шаги слышит не только Катарина. Тяжелые. Медленные. Ворчание.

И ругань. И стало быть, нога болит сильнее обычного. И может быть, настолько, чтобы... но нет, он останавливается перед дверью. И Катарина делает вдох. Она сползает с кровати, готовая приветствовать супруга и повелителя.

– Приехали, – болезненный тычок разрушил полотно сна. – Деточка моя, тебе все же стоит принимать успокоительное.

– Я принимаю.

– Не то, – мьесс Джио признавала лишь одно успокоительное, односолодовое и пятнадцатилетней выдержки, и предпочитала держать его при себе, утверждая, что в ее возрасте нервы стоит беречь. – Поверь, ты принимаешь совсем не то.

Подхватив юбки, она отмахнулась от пухлого господина, решившего быть любезным, и спрыгнула на землю. Потянулась, взмахнула руками.

– Боги, ну и дыра, – мьесс Джио всегда отличала некоторая прямолинейность. – Еще немного – и я поверю, что побывала в заднице мира.

На станции было пусто. Темно.

Единственный фонарь скорее привлекал мошкар, нежели разгонял темноту. В мутное стекло его стучались ночные бабочки, и влажный этот звук показался Катарине до невозможности мерзким.

– Нам стоит найти экипаж, – Катарина поежилась.

Ее слегка знобило – то ли от нервов, то ли от холода. Она поправила перчатки, зачем-то разгладила юбку, на которой позорным клеймом выделялось пятно от повидла. Приподнялась на цыпочки, силясь разглядеть хоть что-то.

Темнота. Тишина.

И даже лошади вздыхают бесшумно, не смея нарушать ночной покой города. А ведь и вправду, что делать? Будь Катарина одна, она бы и пешком отправилась, зная бы еще куда, но ведь есть багаж, который сгрузили прямо на землю. И теперь гора чемоданов намекала, что без помощи им не обойтись. А ведь брала самое, как казалось, необходимое.

У мьесс Джио были собственные представления о необходимом, оттого, верно, и набралось его с полдюжины чемоданов, а к ним пара бочонков и два сундука, перетянутых цепями. Вспомнилось вдруг, что при дворе ходил упорный слух, будто в сундуках этих мьесс Джио хранит головы недостаточно старательных любовников.

– Эй, милейший, денег хочешь? – поинтересовалась мьесс Джио в темноту.

И как ни странно, та ответила сиплым голосом:

– Кто ж не хочет?

– Тогда найди дамам экипаж. И помоги... со всем этим. К слову, душечка, разве нас не должны были встречать?

– Должны, – вынуждена была признать Катарина.

Она сама отправляла вестника. И выходит... выходит, он потерялся? Невозможно. Или тогда ее неправильно поняли? Тоже сомнительно. Вряд ли в этом городе есть еще одна станция. А Бристон – ближайший к поместью город.

Тогда...

– Не переживай, лапочка, – мьесс Джио весьма споро столковалась о чем-то с господином столь пугающей внешности, что вряд ли Катарина вовсе решилась бы подойти к нему. – Вот доедем, там и выясним, кому выписать плетей.

Ехать пришлось на телеге.

На огромной такой телеге, дно которой устилало сено. На сено бросили дерюжку, а уж на нее с извинениями и немалым, а главное, весьма искренним пиететом усадили Катарину. Тот тип просто-напросто поднял ее, будто в Катарине вовсе не было веса, и сунул в солому, сказав:

– Звиняйте, госпожа... вот шкуру еще суньте, помягше будет.

Шкура оказалась медвежьей, но пахло от нее травами.

На телегу загрузили чемоданы и бочонки, и даже сундукам нашлось место. Мьесс Джио устроилась подле возницы, и это отчего-то не удивляло.

– А расскажите, милейший, что у вас тут за место такое...

Телега шла медленно, но мягко, куда мягче кареты. Покачивались борта, скрипели колеса, от соломы пахло чем-то непривычным, но приятным.

– ...Даже так... удивительно, а вот...

Мимо проползали улицы. Редкие фонари. Темные дома, казавшиеся одинаково недружелюбными. Изредка раздавался лай собак, который, впрочем, стихал.

– ...И даже так?

Она умела говорить с людьми, неважно, с мужчинами или женщинами, с теми, кто стоял подле золотого трона, искренне недоумевая, что делает здесь же Джио, и с другими, которых было гораздо больше. Первые ее опасались, не понимая природы ее власти, как не понимала и сама Катарина, просто принимая как должное, что Джио может если не все, то многое. Вторые, пожалуй, почитали Джио если не своей, то всяко близкой по духу.

Разговор вился. И длился.

И город проплывал рядом, такой вдруг большой, хотя куда меньше Лондиниума. И пахло здесь лучше. И скрип колес убаюкивал, а шкура была тепла.

– Вы б тоже до сена полезли, госпожа, а то ж ехать нам еще и ехать...

– Долго?

– Дык... сперва до Бузинной улицы, там поворот от Кожевенного. И еще один опосля ратуши, а потом уж напрямки через холмы.

Описание не вдохновляло. А если бы мьесс Джио не нашла этого увальня? Катарина запоздало расстроилась. Подобное небрежение говорило об одном: за хозяйку ее не считали.

– Не расстраивайся, лапонька, – мисс Джио ловко перебралась на сено. – Подвинься-ка... следовало ожидать подобного.

– Почему?

Беззвучно раскрылся защитный полог, от которого привычно закололо в висках. И Катарина поморщилась. Ладно там, в прошлой ее жизни, он и вправду был нужен. Но здесь-то кого бояться? Агрессивных сверчков? Или того кота, который громко жаловался на несложившуюся личную жизнь?

– Потерпи, – мягко произнесла мьесс Джо. – Одно дело, если за всем этим и вправду стоит обыкновенная человеческая глупость, и совсем другое, если...

Она не стала договаривать, как делала порой, когда хотела, чтобы собеседник сам включил голову. И Катарина кивнула.

Есть шанс? Еще какой.

Пока она жива, она мешает.

Отцу, который рассчитывал, что Катарина исполнит свой долг перед семьей, о чем не уставал напоминать при каждой встрече, будто это была ее вина в том, что никак не удавалось забеременеть. А потом, позже, он так же тихо радовался и нашептывал, что с Джоном стоит сблизиться, что поглядывает он на Катарину вовсе не так, как следует смотреть на мачеху, что если она воспользуется ситуацией... Она не воспользовалась. Дура.

Врагам отца, не слишком довольным, что и после смерти короля род Годдардов не просто сохранил, но и упрочил свое положение.

Людям посторонним, с Катариной вовсе не знакомым, но полагающим, что время ее истекло, а уходя, возвращаться не стоит. Тем паче когда вот-вот объявят о помолвке Джона с... с кем-нибудь да объявят, он пока и сам не знает, кого выбрать.

Самому Джону.

И хочется верить, что уж он-то был искренен, но... он, что бы там ни говорили, сын своего отца, а стало быть, злопамятен, обидчив и умеет ждать. А ситуация весьма удобна.

Нет.

Это страх. Джон не такой. Джон уговаривал ее остаться. Не как любовницу – они оба отлично понимали, насколько опасна подобная связь. Ему нужен был друг. И помощник. Просто кто-то, с кем можно поговорить.

Хотя бы о Генрихе. Или о Королевской башне. О том, каково это, просыпаясь, видеть темную стену и эшафот, который не разбирали, ибо слишком уж хлопотное это дело. Умыться ледяной водой. Завтракать, гадая, придет ли после завтрака жрец или обойдется?

Искать тепла в комнатах, пусть роскошных по сравнению с камерами и подземельями, но все же...

Джон знал, благодаря кому он выжил той ночью, когда мятеж почти случился. А Катарина догадывалась, куда подевался тот роковой приказ, который почти успел. И может, решив она остаться, однажды Джон рассказал бы... или она? Или оба, перебивая друг друга, избавляясь наконец от страха, который и в нем был, сидел занозой.

Но нет. Им бы не позволили и этой дружбы, как не позволили бы ничего напоминающего привязанность.

А потому Джон понял. И принял.

И не стал бы пользоваться случаем. Кто, кроме него, знает о том, куда направилась Катарина? Сиддарт? Старый приятель Джона. Верный друг. Тот, кто тихо ненавидит Катарину, хотя она точно не виновата в смерти его отца.

Приговоры выносил Генрих.

А Катарина... королева обязана присутствовать что на суде, что на казни. И понимает ли он? Понимает. Поэтому и держит свою ненависть при себе, позволяя лишь едкие шпильки, и то будто бы ненароком. Но стал бы он сдерживаться теперь? Или воспользовался бы случаем?

Еще был Грейсон, который как раз и нашел усадьбу. И хозяйку ее, что отправилась в монастырь, ибо таково было ее желание. Так он сказал. Но Грейсону верить не стоит. Всегда был пронырой. И пусть клятву дал, но Катарина знает, что любую клятву при желании можно обойти.

И страшно. Опять.

– Не гадай, – строго велела мьесс Джо, – лучше и вправду отдохни.

– Что-то не спится. Луна яркая. Ты когда-нибудь видела настолько яркую луну?

Она была кругла и желта, что головка сливочного сыра. Она нависала над городом, грозясь раздавить и ратушу, и дома вокруг нее. Луна отражалась в узкой речушке, через которую повозка перевалила не сразу, даже подумалось, что все-таки не одолеет она этот горбатый мост. Но нет, лошадь справилась, а возница затынул песню на непонятном языке.

– Надо же, – мьесс вытащила серебряную флягу и потрясла. – Вьесс. Здесь. То-то он такой здоровый... полукровка, похоже. Будешь?

– Нет.

Ей нельзя пить.

Запретили целители еще тогда, когда пытались наполнить ее тело силой, когда выжигали на руках руны, превращая Катарину в сосуд. Впрочем, даже они знали, что ничего не выйдет.

Для зачатия нужны двое. Но кто бы признал, что дело не в ней, что...

Она прикусила губу. Прошлое ушло, а руны остались, и острое неприятие алкоголя. Она пробовала напиться, уже там, в Королевской башне, решив, что терять нечего. И в итоге всю ночь маялась животом.

Мьесс Джио покачала головой.

Свести бы их. И когда-то Катарина рискнула спросить. Просто спросить. У того, кого полагала достаточно надежным человеком. И ответ получила, да... а еще гнев отца, которому тотчас донесли.

– Все закончилось, девонька, – Джио редко называла Катарину по имени, и порой в этом чудилась издевка, словно напоминание, что она, Катарина, слишком ничтожна, чтобы запоминать ее имя. – Одно закончилось, другое начинается.

Глава 2

Дом выглядел заброшенным.

Он, отделенный от дороги витою оградой, пики которой серебрились в лунном свете, прятался в дебрях парка. Разросшиеся кусты подобрались вплотную к дороге, просунули сквозь прутья колючие лапы. Накренилось, грозя обрушиться, дерево, и уродливые ветви его вывернулись, наклонились, точно оно все еще пыталось устоять, опираясь ими на ненадежную землю.

Ржавые ворота. И пустая дорога. Слабый огонек у темной громадины здания, выглядевшего заброшенным и оттого еще более уродливым. Разбитые ступени, мраморные сфинксы и колонны, облюбованные плющом. Здесь пахло сырой землей, камнем и еще чем-то на редкость неприятным.

Катарина моргнула. И приняла руку, которую ей подал молчаливый гигант. И лишь оказавшись у земли, тихо поинтересовалась:

– Как вас зовут?

– Грай, госпожа, – гигант склонил голову, сделавшись вдруг похожим на королевского палача. Тот тоже отличался немалыми размерами, а еще был застенчив и явно чувствовал себя виноватым.

Но странное дело, палача Катарина не боялась. Он обещал, что мучить не станет. И что помолится.

А она подарила ему кольцо с аметистом – для его беременной жены... и еще другое, платой за услугу, воспользоваться которой так и не рискнула.

Следовало бы забрать тот флакон. Но вот беда, в суматохе Катарина просто-напросто забыла.

– Спасибо, Грай, – она улыбнулась.

Королева должна уметь улыбаться, даже когда хочется завопить от боли и страха. Или просто попроситься обратно в телегу. Там сено теплое.

– Так это...

– Идем, – мьесс Джио решительно зашагала по ступеням, и мрамор похрустывал под квадратными ее каблуками. – Эй, есть тут кто-нибудь?

Дверной молоток тюкнулся в пластину, и та издала жалкий звук, то ли вой, то ли скрежет. Артефакт был испорчен, и давно.

– Есть тут...

На кончиках пальцев Джио заплескали искры, и Грай размахисто перекрестился. Значит, из этих, полагающих, что Бог един и всемогущ? Странно. Катарине казалось, что они не принимают нелюдей, а вот поди ж ты...

– Эй, открывайте, пока...

– Погоди, – Катарина коснулась двери и, закрыв глаза, сосредоточилась. Как она и ожидала, запирающие плетения оказались слабыми. Они и существовали лишь за счет остаточного фона, тянули силу из окружающего мира, благо дом, как и многие старые особняки, был построен на перекрестье энергетических линий. Но все одно этого оказалось недостаточно.

Стоило потянуть на себя, и сеть рассыпалась.

А Грай, кажется, вновь перекрестился.

Дверь открылась с протяжным скрипом. Темно. И неприятный запах усилился. Боги, сколько же здесь не проветривали? Ощущение, что с тех самых времен, как дом и отошел короне.

Джио подвинула Катарину и втянула гнилостный воздух:

– Проклятие!

– Живых – трое. – Сила отзывалась легко, и проклятые руны не мешали, разве что руки и плечи привычно зачесались, но это Катарина как-нибудь потерпит. – Не здесь... там.

– Кто тут?.. – сиплый голос разорвал темноту. – Сейчас полицию вызову...

– А и вызывай! – Джио явно обрадовалась.

Но искры погасли. И значит, он тоже видит эту троицу. Не маги, что, правда, ничего не значит, ибо существуют специальные амулеты, скрывающие ауру. Да и обыкновенных людей не стоит недооценивать. Но навстречу вышла старуха в дрянном бумазейном платье. В руке она держала фонарь, отсветы которого ложились на изрезанное морщинами лицо, добавляя ему и лет, и уродства. Катарина отметила и строгий чепец, и сероватый фартук со многими карманами, и кожаные нарукавники, протянувшиеся до самых плеч. Из-за них руки старухи казались несуразно пухлыми, тогда как сама она была тоща.

– Кто вы такие? – поинтересовалась она.

– Госпожа Катарина Говард, – мьесс Джио поморщилась и помахала перед носом платком, который вряд ли способен был справиться с вонью. – Хозяйка этих развалин.

Старуха фыркнула, но как-то неуверенно.

– Как вышло, что нас не встретили?

В доме что-то заскрипело, заскрежетало, будто он пытался проснуться, но не находил в себе сил. И потому вздыхал всем своим тяжелым телом.

– Почему никого не было на станции?

– Сплит, – старуха опустила фонарь, и желтые пятна света легли на пол. – Небось опять в кабак заглянул, засранец этакий. Уволю, как пить дать уволю...

Впрочем, сказано это было без особой надежды, точно старуха знала, что при всем ее желании уволить негодяя не выйдет.

– Уволим, – а вот мьесс Джио была настроена куда более решительно. – Завтра. Как явится... дорогой Грай, не соизволите ли вы заняться багажом? Перенесите пока сюда, а уж завтра... мы решим, что и как.

Завтра.

Катарина обняла себя, силясь успокоить дрожь. Неужели получилось? И у нее будет это самое завтра? Не в золотой клетке дворца, а в собственном доме, где она хозяйка, а не очередная пешка в большой политической игре?

– А вы, любезнейшая, надеюсь, комнаты приготовили? Хотя бы комнаты...

Приготовили.

Правда, камин разжечь никто не удосужился, а старые артефакты, защищавшие дом от сырости, давно иссякли. И теперь в спальне было откровенно холодно. За окном подвывал ветер. Темные ветви деревьев почти касались стекла, и Катарине казалось, что там, в ветвях, кто-то прячется.

Казалось.

Это просто дом. И ничего больше. Хмурая девица, явно недовольная появлением хозяев, разобрала постель. Слегка смяла подушку, сделав вид, что взбивает ее. Губы девицы шевелились, и у Катарины сложилось впечатление, что она ругает.

Катарину? Неужемную мьесс Джио, потребовавшую немедленно развести огонь в камине? Или сам этот камин, чищенный, кажется, в прошлом веке? Отсутствующие грелки, трубы заросли сажей, и огонь развести не удалось, зато на древнем ковре появились кучки пепла. Молоко, за которым пришлось спускаться на кухню. И ночные горшки. Туалеты в доме тоже не работали.

– Да, девонька, я знала, что нас не любят, но чтобы настолько? – мьесс Джио обошла комнату, ненадолго задержавшись у окна. Казалось, она просто коснулась источенных жуком рам, но Катарина увидела бледную сеть, что приклеилась к этим самым рамам.

От сети лозы охранного заклęcia поползли по стенам, вливаясь в старые каналы, пусть и сухие, но вполне себе надежные.

– Это ж надо было выбрать такую... дыру, – она добавила пару слов покрепче.

Заклęcie разрасталось и тянуло силы, но Джио, казалось, этого не замечала. Сил у нее было много.

– Зачем?

– На всякий случай, – мьесс Джио понюхала стену. – Не нравится мне это место. И эти люди.

– Думаешь?..

– Думаю, что две милые дамы и в самом деле кажутся легкой добычей. Не стоит недооценивать человеческую глупость.

Дверь попытались открыть. И ойкнули, когда ручка вспыхнула, раскаляясь.

– Стучать не пробовали? – поинтересовалась мьесс Джио. – Или вас, дорогуша, не учили тому, что должна знать любая мало-мальски приличная горничная?

Давешняя девица глядела мрачно, исподлобья. И кажется, с трудом сдерживалась, чтобы не высказать мьесс Джио все, что о ней думает.

– Можешь быть свободна. До утра. Я привыкла вставать рано. И будь добра, передай, что предпочитаю завтракать нормально, без всяких этих полезных каш на воде. Так что пусть озаботятся, если, конечно, твоя бабка хочет сохранить свое место.

Мьесс Джио забрала у девицы кувшин с водой и отпустила взмахом руки. И дверь закрыла.

– Бабка?

– Да по ним видно. К слову, старуха маг, пусть и весьма слабый, но обученный. Не люблю крыс. И место это мне не нравится. Очень не нравится.

Воду она поставила на кривоватый столик. Огляделась.

– Завтра надо будет пригласить мастеров. Надеюсь, в этом захолустье найдется кто-то с умеренной криворукостью... что смотришь, лапонька? Раздевайся и ложись, отдых тебе нужен.

Это Катарина и сама понимала.

Глаза слипались, а тело вновь сделалось мягким, напрочь чужим. Она ощущала себя со стороны и удивлялась собственной неловкости.

Забыла, как раздеваться самой?

Там ей помогали три придворные дамы, каждая из которых не отказалась бы занять место Катарини, до конца не понимая, насколько неудобен трон и тяжела корона.

Пуговицы выskalзывали из пальцев, но Катарина справилась. И шпильки вытащила. Расплела тяжелую косу и нашла в себе силы расчесать локоны.

Может, обрезать?

Эта мысль преследовала ее давно, еще с того дня, когда ей позволили покинуть Королевскую башню, нарядили в черные одежды и закрыли лицо плотным покрывалом. Когда поставили у гроба, вручив букет белых лилий, и она маялась от дурноты, не способная передать этот букет кому-то.

Катарина забралась в ледяную постель и натянула пуховое одеяло, кажется, слишком тонкое, чтобы согреть.

– Погоди, детонька, – мьесс Джио связывала нити заклęcia воедино. – Сейчас согреем...

– Я сама...

– Лежи уже, сама... – проворчала Джио, касаясь горячими пальцами лба. И Катарину окутало облако тепла, заставив выдохнуть с облегчением. – Спи. Завтра во всем разберемся...

Она устроилась рядом, на кушетке.

И Катарина промолчала, зная, что Джио не уйдет и не ляжет в одну постель, пусть и места в ней хватило бы для семерых. У нее свои принципы, хотя и непонятные. И... пускай. Как ни

странно, сон навалился сразу и был почти пустым, разве что Катарина слышала, как хрипло беседуют древние вороны Королевской башни. Их голоса пробивались сквозь толщу камня, но странным образом успокаивали.

Вороны хранили королей.

И королев тоже.

Наверное.

Катарина проснулась засветло, но все равно позже Джо, которая успела исчезнуть, в чем не было ничего необычного. Скорее странно было бы, упусти она такую возможность. Дом был огромен и нов и манил этой новизной, обещая тысячу и одну тайну.

Джо тайны любила.

А вот Катарина села в постели, которая при зыбком утреннем свете выглядела белой и старой. На простыне виднелись латки, из плоских подушек лез пух, а одеяло и вовсе сбилось влажноватым комом.

Во дворце подобного не допускали.

Катарина потрогала пол, убеждаясь, что на ощупь он еще более холодный, чем на вид. Зевнула. И решилась. Платье лежало здесь же, простое, темно-зеленого цвета, приличного для вдовы в долгом трауре. Панталоны и шелковые чулки. Подвязки. Нижняя рубашка из тонкого, но все одно накрахмаленного до колючести полотна. Платье садится хорошо, и Катарине остается лишь слегка поправить воротничок.

И брошь посадить. Проверить плетение камней, которые отзываются на прикосновение легко. В пару серьги, дополняющие защиту. И тонкий невзрачный браслет. Перчатки.

Волосы Катарина заплела в обыкновенную косу, дав себе слово, что всенепременно обрежет. Вечером же... сегодня. Или завтра.

Она коснулась двери, и защита пропустила ее.

Дом был тих и печален. Сейчас, пробуждаясь ото сна, он предстал перед Катариной в истинном своем обличье. Мраморные полы, рисунок которых почти исчез под слоем грязи. Потёки копоти на потолке. И следы огня на шпалерах, будто здесь что-то горело, но не понять, что именно. Факелы? Их давно уже не используют. А вот чаши для огненных камней остались, хотя и те лет двадцать как сменились светящимися кристаллами, куда более безопасными. Дом, выходит, не переделывали.

Пустые рамы на стенах. Куда подевались картины? И кто разрезал старый гобелен? И почему его вообще не убрали? А вот это пятно на стене явно выделяется. Что здесь висело? Чей-то портрет?

Грязный камин. Пыль в углах. Паутина. Опустевшие артефакты, причем с выдранными накопителями. Какое варварство! Кому понадобились эти куски горного хрусталя? Особой ценности они не представляют, а вот дому пришлось тяжело.

Катарина спустилась по боковой лестнице, узкой и темной, предназначенной для слуг. Здесь было значительно чище. Лестница вывела в коридор, а тот закончился дверью, которая открылась совершенно беззвучно.

Сад дичал.

Катарина прошла по узкой тропинке, и пришлось подобрать юбки, чтобы не замочить их. Трава поднималась едва ли не до колена. То тут, то там в ней терялись россыпи белорозовых маргариток, среди которых изредка попадались и одуванчики. Особенно много их скрывалось под кустами одичавших роз, чьи колючие плети расплзлись змеями, переплелись, будто запирая путь в глубины сада. Туда, где шумели огромные, мрачные на вид деревья.

Дуб?

Определенно. И яшень, и терновник, которому точно не место в приличных садах. Дворцовые мастера пришли бы в ужас, увидев это место, а Катарина вдруг поняла, что ей нравится.

Груда камней, затянутая зеленым мхом. И тонкая нить ручья, пробившаяся из-под этой груды. Водосборы, что протянулись по бережкам его, развесив голубые свои колокольчики. И строгость ядовитых аконитов. Надо будет собрать, но потом, позже, как войдут в силу.

Катарина подняла юбки еще выше.

Королевы не бегают по саду и не забираются на камни. Им полагается шествовать медленно, не роняя своего достоинства, и исключительно по дорожкам. Им стоит помнить о том, как выглядят они в глазах подданных и что любое слово, любой взгляд, любой жест может быть истолкован превратно.

Королевам лучше вовсе не покидать отведенных покоев.

Катарина тряхнула головой и решительно перепрыгнула через ручеек. Стянула туфли, оглянувшись – тишина и пустота, – сняла и чулки. Замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. И, вытянув ногу, коснулась-таки земли.

Теплая. И трава щекочет.

Катарина тихо засмеялась. Юбки выше, и... прыжок через темный валун, на котором замерла бабочка. Испугавшись тени, та поднялась, закружила. И на душе вдруг стало легко-легко.

Королевы не бегают? Пускай. Какое счастье, что Катарина больше не королева.

Она сама не поняла, как оказалась в этой части парка. Зброшенные цветочницы, позеленевший камень которых облюбован лишайником, а у подножия чаш расплзся ковер темных фиалок. Звенят полупрозрачные крылья стрекоз. И густая тень укрывает от солнца влажное подбрюшье леса.

Пожалуй, что уже именно леса. Одичавшая малина манила пчел белым цветом. И позже здесь появятся ягоды.

...Во дворце малина росла даже зимой. И ягоды давала крупные, сладкие, вот только без запаха. Катарине они казались ненастоящими.

Она коснулась колючек. Отступила. Поморщилась, когда в пятку впился острый сучок. И, устроившись здесь же, в тени куста, надела туфли, благо не стала бросать их там, у ручья.

– Так-то лучше, – сказала Катарина, и на звук ее голоса откликнулись пичуги. Кто-то тревожно зазвенел в ветвях старого дуба, и голос этот подхватили другие, разнесли по саду.

А потом Катарина увидела его.

То есть сперва не увидела, скорее ощутила присутствие человека и замерла, попятилась, скрываясь в колючках малины. Тяжелые ветви раздвинулись, пропуская Катарину, и сомкнулись, запирая ее, защищая лесною короной. Мелко задрожали листья, растревоженно загудели пчелы.

А сердце забилося быстро-быстро.

Не стоило уходить из дома. Одной. И так далеко.

Амулеты... пусть Катарина сама их делала, но тем лучше она понимает, что амулеты не спасут от всего, что сейчас она куда более уязвима, чем во дворце, что...

Замяукала сойка. Хрустнула ветка под чьей-то ногой. И Катарина заставила себя застыть, пальцы ее стиснули брошь, выпуская дремлющее заклятие. Теплые нити собственной силы оплели Катарину, и малина, казалось, отзываясь на магию, плотнее сдвинула ветви.

Вот так. Это не невидимость. Но если сидеть тихо... очень-очень тихо, то ее не заметят. Даже если пройдут рядом, то все одно не заметят. А Катарина умеет таиться. Главное – победить собственный страх, который нашептывал, что самое время бежать и звать на помощь, что если Катарина поторопится, она успеет, что дом недалеко, а в доме люди.

Чужие люди. В чужом пока доме.

Она стиснула зубы и заставила себя дышать спокойно.

А гость остановился у дуба. Огляделся. И сбросил на траву перевязь с парой клинков. Затем снял куртку. Рубашку. Высокие сапоги. Штаны...

Катарина нахмурилась. Если ее собрались убивать, то... как-то слишком уж... вызывающе? Или он просто одежду вымазать не желает?

Он был высок. Очень высок. Пожалуй, куда выше Джона, не говоря уже о Генрихе, который весьма гордился собственным ростом. И кажется, именно факт, что Джон перерос отца, и злил его безмерно.

Катарина икнула и тотчас зажала рот руками.

Ей доводилось видеть голых мужчин. То есть почти голых, потому что ее супруг и в постели предпочитал оставаться в нижней рубашке, тканью стыдливо прикрывая раздобревшие телеса. И тогда Катарине это казалось нормальным.

...В тот вечер, наспех срачивая колотую рану, она даже прикоснулась к обнаженной мужской груди, но почему-то тогда не испытала и толики нынешнего стыда. Может, оттого, что Джон умирал? А она боялась, что он все-таки умрет, что малых ее сил не хватит, а целительские амулеты вовсе не так и хороши?

Хватило.

И тяжелые платиновые браслеты сделали свое дело, пусть и предназначались вовсе не для того, чтобы исцелять мятежников. Кажется, и шрама не осталось. Или все-таки? Она так и не рискнула спросить.

У нынешнего мужчины шрамов хватало. Они вились по смуглой коже белыми узорами. Одни были толстыми и светлыми, словно ветки, другие – тонкими, едва заметными. И Катарине казалось, что еще немного – и она поймет смысл этого рисунка, но тот ускользал. А мужчина, наклонившись, подхватил клинки.

Вдохнул воздух.

...А ведь он не человек. Это стало ясно с первого движения, текучего, что вода. Люди не способны так двигаться. И рост, и светлые, почти белые волосы – это ненормально. Волосы он забирал в косу, выплетая ее так хитро, что не у всякой камеристки получилось бы.

Он крутанулся на месте, рассекая клинками воздух, а Катарина подумала, что убивать ее, кажется, все-таки не будут. А утро можно считать полностью удавшимся.

Глава 3

Клинки пели.

И голоса их успокаивали, смирняя ярость, кипевшую в крови. Призрак завыл, отзываясь на гнев хозяина, и Тьма полыхнула силой, но покорилась, ушла вниз, коснувшись темной травы.

Кайден позволил себе сделать вдох. И выдох.

Вот так. Медленно. Смирняя эмоции, которые грозили выплеснуться, и трава, чувствуя это, тянулась навстречу. Гремел листвою дуб, и чудилась в нем заветная песня.

Еще немного. Быстрее.

И еще быстрее. Пусть рвет болью мышцы, пусть выкручивает суставы, на пределе и за пределом, чтобы до последней капли силы, чтобы... легче стало дышать. И когда эмоции уйдут, разум возьмет свое.

Уже берет.

Ярость утихла, и лишь в ветвях дуба проклюнулись свежие листья, а терн в старой части парка и вовсе пойдет в рост. Этак он и до старого дома доберется. Впрочем, в доме давно никто не жил, хотя и продавать его отказывались с завидным упрямством, свойственным лишь роду человеческому.

Кайден позволил Тьме уйти за спину, поразив призрачного врага.

Она предпочла бы живого.

К примеру, того, кто помог исчезнуть каравану саларских купцов. И нагло, так нагло, что Кайден зарычал. Призрак задрожал, соглашаясь, что эти люди заслужили смерть, которая всенепременно настигнет их, но позже, когда Кайден поймет, как они это делают.

Про груз не знал даже управляющий. И все-таки...

Караван прибыл в Бристон третьего дня, чтобы, переночевав в таверне, выдвинуться на рассвете. Товары загрузили на повозки, как и охрану, и многоуважаемого Али ин-Исула, связанного с Кайденом клятвой верности и дружбы, и двух его сыновей.

Повозки вышли через северные ворота в седьмом часу утра. И исчезли, будто их и не было.

Клинки бессильно коснулись травы.

Кайден отомстит, но месть не вернет людей. И чувство вины было острым, что северный ветер. Кайден все-таки заставил сердце биться медленней и, выдохнув, замер. Клинки слегка дрожали в вытянутых руках, и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы держать их.

Просто держать.

Вот так, вдыхая сладковатый весенний воздух, насыщая им кровь, и выдыхая. Медленно. И еще медленней. Почти сроднившись с привычным местом, которое...

Перестало быть привычным.

Он не сразу понял, что в нем изменилось. Старое дерево? Нет, оно было прежним, от кончиков корней там, под землей, до последнего листа на вершине. Этот дуб помнил еще матушку Кайдена, а может, и ее благородных предков, которые оказались достаточно благоразумны, чтобы не вставать на пути влюбленной дочери. Они приняли и выбор ее, и дитя, чья кровь была слишком горячей, чтобы нашлось ему место в проклятых холмах.

Нет. Дуб помнил и самого Кайдена в первые дни его здесь. Как и терн, принесенный им ветвью отцовского куста.

Трава? Птицы?

Человек. Кайден медленно повернулся, удивляясь тому, насколько беспечен он был. Почему сразу не ощутил постороннего присутствия? Потому ли, что человек умел скрываться? Он потянул на себя силу и спрятался в ней.

Для чего?

Клинки ныли, нашептывая, что приличные люди не прячутся. И что тот, кто сидит в кустах, явно не желает добра. Иначе вышел бы. А стало быть, не грех пустить ему кровь. Всего каплю.

Кайден стиснул пальцы. Не хватало еще выпустить призрачных гончих. Нет, он найдет куда убрать тело, благо место нынешнее ему прекрасно знакомо, но... убивать без веских доказательств вины нехорошо. Наставник точно не одобрил бы.

А потому Кайден сосредоточился на ощущениях.

Человек... определенно... маг, но какой-то неправильный, будто суть его заперта в клетке. Некрасиво, да... очень некрасиво и весьма болезненно. Кайден помнил время, когда его силу пытались смирить. И когда учили держать осанку. Второе доставляло куда больше неудобств.

Возможно ли, что, убив этого человека, Кайден окажет ему услугу? Нет, люди к подобному относятся иначе.

А еще человек был женщиной.

Теперь Кайден ощущал острый, пряный аромат ее тела. Так пахнут белые цветы полуночника, открываясь на призыв светила. Бледные по сути своей, они манят бабочек ароматом, а из сока их варят дурманящее зелье, капля которого способна подарить волшебные грезы, а две – отнять разум.

Ноздри его дрогнули. От человеческой женщины не могло так пахнуть. Не должно было.

Женщины... находили Кайдена привлекательным. Они не раз и не два делили с ним постель, некоторые требовали большего, хотя Кайден изначально предупреждал, что не собирается связывать себя бессмысленными узами. Но они не верили.

Обижались. Требовали подарков. Уходили. Возвращались. Ругались. Плакали. Были шумны и зачастую весьма надоедливы. В последние годы он пришел к выводу, что проще брать других, за деньги. Это избавляло от многих неудобств.

Кайден повернулся спиной.

Женщина прячется? Пускай. Опасности она не представляет. Возможно, что прячется она от кого-то? Если так, Кайден за ней присмотрит. Бабушка говорила, что женщины слабы и нуждаются в присмотре.

Она сидела не шевелясь, пока Кайден одевался. И каждое мгновение он ощущал на себе внимательный взгляд, который, странное дело, заставлял поторапливаться.

Убрав клинки, Кайден бросил последний взгляд на убежище странной женщины и сделал шаг в сторону. Он притворился, что уходит, но, скрывшись за старым камнем, повернул назад. И теперь использовал собственную силу, чтобы двигаться бесшумно.

Кайден обошел заросли малины с другой стороны аккуратно тогда, когда из них выбралась незнакомка. Он остановился в тени кривой ивы. Тонкие ветви ее надежно укрывали Кайдена, не мешая смотреть.

А смотреть было на что.

Женщина выбиралась задом, подобрав при этом юбки так, что видны были и бледные ножки, и края кружевных панталон. Очутившись на полянке, она поднялась, отряхнулась и сказала:

– Вот же ж... приключение, – добавив пару слов покрепче, из тех, которые женщинам знать не следует.

Незнакомка была хороша. Настолько хороша, что в это просто не верилось. Хрупкая. Воздушная. Какая-то невообразимо легкая и в то же время живая.

Ее аромат привязался к Кайдену, раздражая тем, что игнорировать его не получалось. Вот совсем. Он стоял и смотрел.

Вот она собирает травинки, прилипшие к платью. Хмурится. И золотые брови ненадолго сходятся над переносицей. Вот трогает пылающие щеки, и на них расцветают бледные пока

веснушки. Она точно знает о веснушках, потому как сокрушенно качает головой. Человеческие каноны красоты требуют гладкой кожи.

Она и гладкая. Светится изнутри, словно мрамор. И этот свет манит. Прикоснуться бы. Проверить. Украсть толику тепла... и изучить ее черты. Этот аккуратный носик. Губы резные, которые она раздраженно покусывает. А еще оглядывается, явно гадая, далеко ли Кайден ушел. Недалеко.

Но вот женщина коснулась нити на запястье и почти вдруг исчезла. Заклятие? Если так, то интересное, и весьма. Кайден прежде не встречал ничего подобного.

Но бояться ей нечего. Он уйдет. Потом.

Когда проводит женщину. А та, выбравшись на тропу, остановилась, прикусила губу и глаза прикрыла, явно раздумывая, как быть дальше. И, хмурая, была до того забавна, что Кайден не удержался от улыбки. Над головой женщины плясали искорки света, а в золотой косе ее запутались белые лепестки. Но вот она отряхнулась, словно избавляясь от наваждения, и решительно зашагала по тропе. К дому. Выходит, она в нем живет?

Когда появилась?

Прежде Кайден ее не встречал. Значит, не так давно. И как надолго? Хватит ли у него времени свести знакомство? От этого Кайден, пожалуй, не отказался бы. И пусть продлится оно недолго – он быстро утрачивал интерес к человеческим женщинам, что безмерно огорчало бабушку, все еще надеявшуюся, что однажды он женится и продолжит род, – но почему бы и нет?

Он умеет дарить радость. И всегда щедр. Ей понравится.

Кайден довел ее почти до самого сада, а затем, взобравшись на ветку, следил, как женщина исчезает в темной громадине дома.

Да, завтра он отправит визитку.

А сегодня – Дорба, пусть заглянет к соседям, узнает, кто это такая появилась. Кайден уже почти ушел, когда встревоженный писк овсянки заставил его замереть.

Рука сама потянулась к клинку. А тело напряглось, втискиваясь в слабую тень дерева. Следовало бы выбрать дуб, но у дома рос лишь один, и тот был далековато. Ясени же всегда отличались вздорным нравом. Но этот Кайдена принял.

Пичуга замолчала.

А следом и сверчки. Из кустов жимолости на тропу выбрался еще один человек. Мужчина. Возраст... непонятен. Но вид весьма характерный – что неприметная удобная одежда, что эта вот манера двигаться крадучись. И марево магии, окружавшее незнакомца.

Он и сам был магом. Сильным. Но силу свою прятал, что Кайдену категорически не понравилось, как и пара серебряных колючек, которые мужчина оставил на тропе.

Для кого подарок?

К дому человек приближаться не стал, а вот к ясеню подошел и, хлопнув по стволу рукой, произнес:

– А ничего так...

Кайден ощутил острое желание познакомиться с этим типом поближе. Он подобрался, прижался к ветке, почти решившись, когда в дальних кустах затрещала сорока, предупреждая, что гость не один.

– Нашел? – этот был постарше и пониже, но тоже маг, пусть и не такой яркий.

– А то...

– Отметил?

– Там.

– Тогда уходим, – говорил маг шепотом, и Кайдену пришлось свеситься с ветки, чтобы слышать.

Разговор ему понравился еще меньше, чем люди. Впрочем, стоило признать, что людей он в принципе недолюбливал. А наемников и подавно.

– Погоди... – молодой водил по стволу пальцем, оставляя на коре темные линии ожогов. – Ты видел эту лапочку?

– Видел.

– Ведь не обязательно, чтобы совсем... за нее неплохие деньги дадут.

Сомнений, что говорили они о золотоволосой незнакомке, не возникло.

– Тебе мало?

– Всегда мало.

– Дурак, – тот, который был старше, покачал головой. – Заказ нужно исполнить.

– Исполним, – молодой облизал губы. – Но ведь можно и по-всякому... Абиссинец будет благодарен... очень благодарен... он давно спрашивал чего-нибудь такого... на юге за блондинок по весу взять можно.

Кайден свесился с ветки еще ниже и, вытащив клинок, позволил ему упасть. Зачарованный металл бесшумно рассек полог листвы, сбив пару зеленых ладоней наземь, и вошел аккуратно в лысоватую макушку мага. Взревел беззвучно Призрак, получив наконец-то жертвенную душу, а Тьма рванула следом, требуя своего.

Второй был хорошим наемником. Опытным. Он успел развернуться. И руку вскинул, готовый спустить заклятие, но Кайден взмахом клинка лишил его этой руки. У него даже получилось сдержать призрачную гончую, которая завывала уже от обиды.

Позже. Сперва разговор.

Он легонько ударил мага по макушке, перетянул рану – не хватало еще, чтобы тот умер раньше времени, – и взвалил на плечо. Оглянулся на второго, который лежал тихо и смирно. Хмыкнул.

Все-таки дед был кое в чем прав: Кайдену определенно не хватало выдержки. И внимания к деталям. Сбросив добычу на траву, Кайден обыскал мертвеца, став обладателем с полудюжины амулетов, причем весьма неплохих, сорока золотых соколов и бляхи, которая тоже в хозяйстве пригодится. Рассовав добычу по карманам, Кайден взял тело за ноги и подтащил поближе к корням ясеня. Конечно, по-хорошему, мертвеца следовало бы убрать из сада, но это долго.

И двоих он не унесет, а значит, останется вероятность, что кто-то вдруг его обнаружит. Полицию вызовет. Дознавателей. Кайден, конечно, дело возьмет, но... вот не любил он двусмысленных ситуаций. Просто не любил. И, положив обе руки на израненную кору, позвал.

В первые мгновения ничего не произошло. И во вторые.

Ясени упрямы. А этот еще и оскорбленным себя чувствует. Как же, без должной почтительности... был бы Кайден истинным сыном Высокого народа, но ведь человеческой крови в нем больше, а суть и вовсе такова, что не нашлось ему места в Зеленых холмах.

Пускай.

Ему и в мире явном неплохо живется. А вот от помощи Кайден не откажется. И яшень дрогнул. Зашевелились корни, раздирая мягкую землю. Со стоном разошлась трава, и тело осталось лишь спихнуть в темную сырую ямину.

А затем земля сомкнулась. Холм, правда, получился. Но к вечеру, когда жадные корни, уже прораставшие в плоть, высосут из нее все соки, холм осядет. А через пару дней от мертвеца и вовсе останутся разве что кости, да и те...

Яшень зашелестел, уже благодарно. Деревья тоже бывают голодны.

Кайден поправил клинки, забросил все еще бессознательного мага на плечо и, насвистывая веселую песенку – настроение стремительно поднималось, – зашагал прочь от дома.

Сюда он вернется. Позже.

Глава 4

Платье Катарина все-таки испортила. И дело не в темных травяных пятнах, с ними магия справится, но вот рваная дыра на подоле – дело другое.

И когда она успела порвать? Где?

– Как погуляла, лапочка? – осведомилась мьесс Джио, которая устроилась на террасе.

Кресло-качалка, сигарета в длинном мундштуке, пепельница и мрачного вида тип в потрепанной ливрее, которому и выпала высокая честь эту пепельницу держать. Впрочем, судя по выражению лица, тип не до конца осознавал всю глубину оказанного ему доверия. Он время от времени морщился и даже порывался отступить, но тут же вздрагивал всем телом и выпрямлялся.

Мьесс Джио умела воспитывать слуг.

– Спасибо, чудесно, – Катарина присела на край стула.

Сделанный из гнутой лозы, некогда он был весьма изящен, но время превратило это изящество в откровенную хрупкость.

– А вы...

– Инспектируем-с, – мьесс Джио дотянулась до чашки с черным-черным чаем. – И думаем-с...

– Над чем?

– Над тем, что эту халупу проще снести, чем восстановить. Ты можешь быть свободен. Вздумаешь вновь нажраться, я тебя не то что без рекомендаций выставлю, но сделаю так, что и костей твоих не найдут. Ясно? – это мьесс Джио произнесла весьма дружелюбным тоном, который, впрочем, вряд ли мог ввести в заблуждение. – И вели подавать завтрак. Госпожа проголодалась. Ты ведь проголодалась, солнышко?

– Немного.

– Вот и отлично... у тебя веснушки.

– Да? – Катарина тронула скулы. Надо же, а она и забыла, насколько легко они высыпают. Следовало зонт взять... или нет?

Теперь она может позволить себе даже веснушки.

– Я мужчину видела, – сказала Катарина, пытаясь нащупать хоть одно пятнышко. Отца они раздражали, виделся в этих самых веснушках изъян, скрытый намек на дурную кровь, которой в высоком роду Годдард быть не могло.

Катарина верила. Крови быть не могло, зато вот веснушки имелись.

– В саду, – уточнила она. – Голого.

– Да? – мьесс Джио оживилась.

– Почти голого, – Катарина ощутила, что вновь краснеет. – Подштанники он снимать не стал.

– Это зря.

– Почему?

– Мужчина, который снимает все, кроме подштанников, априори подозрителен, – мьесс Джио выпустила тонкую струйку дыма.

– Он тренировался.

– С подштанниками?

– С парными клинками, – Катарина позволила себе улыбнуться. – И как мне кажется... я, конечно, не специалист по... боям...

– И мужчинам, – Джио все же не удержалась от укола.

– И мужчинам, – согласилась Катарина. – Но он был весьма хорош.

– В каком смысле?

– Во всех, – Катарина убрала руки от щек. Ей стоит научиться быть спокойнее. – А еще, кажется, он не человек... быть может, не совсем человек...

Она закрыла глаза.

Гибкая фигура. Светлые волосы, куда более светлые, чем у нее. Серебро? Пожалуй. Или все-таки благородная платина? Темная кожа. Шрамы узорами.

– Из Высокого народа.

– Вряд ли, – мьесс Джио отнеслась к случившемуся с необычайным для нее безразличием. – Альвы не слишком жалуют тварный мир. Им здесь неуютно. Скорее всего полукровка. Катарина кивнула.

Она помнила альвов. Высокие фигуры, настолько нечеловеческие, что жуть брала. И главное, нельзя было сказать точно, что же именно с ними не так. Две руки. Две ноги. Бледная кожа, будто инеем подернутая. Черты лица почти привычные, те же нос и глаза, что и у людей, пусть глаза и бледны, отчего и создается ощущение, будто дети короля Грез не способны видеть.

Видят они получше многих.

И слухом обладают тонким. И еще умеют улыбаться так, что становятся видны острые мелкие зубы. Они говорят чисто, но так, что поневоле начинаешь путаться в словах, искать скрытые смыслы.

Генрих альвов не жаловал. Боялся.

Пожалуй, только их, ибо даже с великанами, обретавшими на дальних берегах Зеленой земли, он держался куда свободней. А еще он надеялся, что альвы снизойдут и помогут.

Зря. Они никогда никому не помогали просто так. Генрих предлагал им плату, но, верно, они не сочли ее достойной. Или, быть может, все дело в той женщине, которая долго смотрела в глаза Катарины, а потом наклонилась и губами коснулась губ. Она вдохнула в Катарину холод. Отстранилась. И сказала:

– Так будет лучше.

Генрих очень разозлился. И естественно, на Катарину, будто это она была виновата. И в том, что альвы не знают протокола, и в том, что долго не получалось согреться, и, конечно, в том, что Катарина расплакалась от страха.

Ей было шестнадцать. Как давно ей было шестнадцать...

– И где, ты говоришь, его видела? – мьесс Джио точно знала, когда стоит говорить.

И сейчас Катарина поежилась, обнимая себя. Ветерок прохладный.

– Там...

– Завтра вместе пойдем.

– Зачем?

– Давно не видела достойных мужчин, – мьесс Джио стряхнула пепел и поднялась. – А теперь, дорогая, думаю, стоит выяснить, куда пропал наш завтрак. Да и вообще домом заняться.

Катарина послушно поднялась. Воспоминания вновь отбили всякий аппетит, а утренние силы иссякли, появилось знакомое желание лечь и не шевелиться, и лежать, лежать, насколько Катарины хватит. И может, заснуть, но так, чтобы без снов и как можно подольше.

– Идем, идем, дорогая, – мьесс Джио подхватила Катарину под руку. – Нам еще в город ехать... надо же эти развалины приводить в порядок.

– Надо ли?

– Опять умирать собралась? – тычок заставил поморщиться, но боль привычно отрезвила.

– Порой мне кажется, – призналась Катарина, – что я давно уже мертва.

– Кажется, – безапелляционно заявила мьесс. – Это только кажется. Ты же сегодня встретила мужчину. А поверь моему опыту, мертвым женщинам они неинтересны.

Пожалуй, что так.

Гостя Кайден сгрузил в подвале. Заботливо обобрал, пополнив коллекцию амулетов тройкой весьма качественных щитов и огненной плетью, которую встроили в кольцо. Надел кандалы. И блокирующий ошейник, ибо маги – народ подлый, только волю дай, всенепременно что-нибудь сломают. Он даже напоил бедолагу поддерживающим зельем, вспомнив, что люди куда более хрупки, чем кажутся. Не хватало еще, чтобы наемник ушел, не выдержав допроса.

– Вижу, хорошо прогулялся, – Дуглас спросонья был привычно мрачен. Короткие, изрядно сдобренные сединой волосы его торчали дыбом, а ленты защитных узоров на руках потемнели. – Это кто?

– Понятия не имею, – честно ответил Кайден, оттянув веко пленника.

Зрачок на свет реагировал плохо.

– Кайден! Помнишь, дедушка говорил, что нельзя просто хватать людей и... вот так... – Дугласу несколько доставало искренности.

– Я не просто. Он соседку убить собирался.

Прозвучало жалко.

Вот ведь... сколько лет прошло, и Кайден давно уже хозяин этого дома и этого человека, а все одно оправдывается. И задница помнит розги, которые Дуглас, говоря по чести, использовал весьма редко и всегда по делу. Сейчас он просто покачал головой. И уточнил:

– Какую соседку?

– Новую, – Кайден похлопал пленника по щекам. – Красивую. В кустах сидела.

– Ага...

– Я не сразу ее заметил.

Дуглас поднял бровь.

– Но она не поняла, что все-таки заметил. Решил проводить.

– Хорошенькая?

Кайден кивнул.

– Благородная?

– Наверное. Не знаю. Красивая.

– Держись подальше.

– Почему?

На пощечины пленный реагировать не желал.

– Потому что ты с ней даже не знаком, а уже... тащишь в дом всякое, – Дуглас обошел мага и требовательно вытянул руку, в которую Кайден вложил добытую бляху.

Обе бляхи.

– Второй где?

– Закопался.

– Сам? – Дуглас бляхи выложил на стол.

– Почти... яшень помог.

Вот почему Кайден, несмотря на то что физически много сильнее обычного этого человека и давно уже превзошел его в воинском искусстве, все одно чувствует себя бестолочью.

– Помог, стало быть... но хоть закопался-то он надежно?

– Очень, – поспешил заверить Кайден. – Даже с лопатами не найдут. А копать там нечего... незачем... в общем, я подумал, что этот нам все и расскажет.

– Расскажет, – кивнул Дуглас. – Куда ж он теперь денется? Зря, что ли, тащил? Хотя, конечно, «абиссинские львы»... в нашем-то захолустье? – Он потер щетинистый подбородок.

«Львы»?

В человеческих наемниках Кайден разбирался не слишком хорошо. Ему они казались одинаково бесчестными, но о «львах» что-то такое слышал.

– Профессионалы своего дела, – Дуглас постучал краем бляхи по столу. – Их немного. И у нас они вне закона, да...

Хорошо.

Значит, если тот, первый, закопался не так глубоко, как хотелось бы Кайдену, точнее, если вдруг произойдет непредвиденное и тело отыщут, то особых неудобств сие обстоятельство не причинит.

– После того как участвовали в заговоре Сотни. Я, грешным делом, думал, что их всех перебили, но выходит, что нет. Интересно... очень интересно...

Дуглас потер подбородок и пнул пленника.

– Интересно даже не то, как их отыскивали... скорее, зачем? Эй ты, недоносок, поговорим? А ты, мальчик мой, иди и приведи себя в порядок.

– Зачем?

– Знакомиться пойдем, раз уж у нас тут такое... под боком.

– Спроси и про караван...

– Спрошу, спрошу, – Дуглас подтолкнул Кайдена к выходу из камеры. – Не переживай, обо всем спрошу. А тебе отдохнуть надо. Помыться... помнишь, мыться надо каждый день...

Помнит. Еще как помнит. Мытье Кайдена ненавидел. Раньше. В том, ином, мире, который казался настоящим, тело не требовало такой заботы. Оно падало в мягкие мхи, и те очищали от грязи куда лучше воды.

Вода пугала. Она обжигала и páрила. Воняла мылом. И давала клубы едкой пены, которая норовила забраться в глаза.

Кайден вздохнул. Надо будет написать письмо бабушке. Ей нравится получать письма. И деду тоже. Он куда более сдержан, но тоже беспокоится. Он приглашал Кайдена ко двору, говорил, что начинается время перемен и возможности открываются великолепные, что таланты Кайдена оценят...

Может, и вправду поехать? Потом?

Он открыл краны и подставил руки под струи воды. Горячая. И холодная. От воды теперь пахнет только водой, а от ванны – камнем. Она огромна и сделана по его заказу. Кто бы мог подумать, что дикарь из-под холмов полюбит воду?

Она разбивалась о руки, и брызги ложились на края ванны удивительным узором.

Кайден вздохнул. И поднялся.

Вышел, позволив ванне наполняться. Разделся. Вспомнил ту женщину, которая... с которой он сегодня познакомится и узнает ее имя. Заглянет в глаза. Кайдену хотелось знать, какого они цвета. А еще пересчитать веснушки. Если, конечно, она от них не избавится.

Почему-то человеческие женщины старательно боролись с солнцем. Глупые.

Клинки он вернул на подставку и задумался. Пропавший караван? Незнакомка? Наемники? Совпадение? В подобные совпадения не слишком-то верилось. Но Кайден сказал себе не спешить. Если наемник что-то знал, то Дуглас это выяснит.

Как-то у него ловчее получалось с людьми говорить. Определенно.

К обеду Дуглас не вышел, но появился к пятичасовому чаю, который в доме подавали, хотя Кайден так и не смог понять, почему чай нужно пить именно в это время, а не часом позже или раньше.

– Знаешь, что интересно? – Дуглас успел принять ванну, и на седых волосах его блестели капли воды. А от самого тянуло гарью. Запах этот будет держаться долго, его не перебьют ни резковатая вонь темного мыла, которому отдавал предпочтение Дуглас, ни виски с сигарами.

– Что?

Чай накрывали в чайной гостиной, где давно уж требовался ремонт, но Кайден сам не решался, зная, сколь специфичным вкусом обладает и что бабушке, вздумай она вернуться,

результат совершенно точно придется не по вкусу. А потому слуги следили за чистотой, полировали серебро, натирали до блеска каминные решетки и старались не замечать, что старые обои совсем уж выцвели, а полировка стола давно помутнела. Шторы провисли. И осыпалась в дальнем углу лепнина.

Кайден поднял чашку из парадного сервиза, поднес к носу и понюхал. К чаю он был равнодушен, но хороший лист ценить умел.

Нынешний был неплох. И стало быть, новый управляющий пока старается отбирать действительно первоклассный товар.

– Что этот тип и вправду знал довольно много интересного. – А вот Дуглас предпочитал чай традиционный, разводя им молоко и добавляя каплю гречишного меда. – Не столько о делах наших, сколько в целом, да...

В целом мир Кайдена волновал мало.

– Прибыли они сюда еще на прошлой неделе, когда, собственно, и поступил заказ, – Дуглас взял с блюда крохотное пирожное и отправил в рот, зажмурился, наслаждаясь вкусом. Сладкое он любил и любви этой не скрывал. – А вот дамочка наша приехала лишь вчера, чем заставила парней понервничать.

– Кто она?

– Вдова мелкого дворянчика, которой свезло получить наследство. Во всяком случае, они в этом уверены.

– Не ты?

– Как давно ты пытаешься купить дом?

– Лет десять как... – Кайден почесал кончик носа.

– И что тебе отвечали?

– Да... разное, – он пожал плечами. Причины отказа были нелепы, но дом этот не настолько был нужен Кайдену, чтобы докапываться до правды. Так, вспоминалось иногда, что поместье бы неплохо расширить. Да и сад там задичал должным образом, чтобы Кайден чувствовал себя в нем спокойно.

– Прежняя его хозяйка как раз десять лет назад и преставилась. Ты ж ее помнишь?

Кайден кивнул.

– И дочь ее помнить должен... ты с ее сыновьями частенько дрался, да... на редкость неприятная особа.

И снова Кайден согласился.

– Такая не упустила бы наследства, но дом стоял. И хозяйка появилась-таки. Сейчас, – Дуглас перебирал кусочки засахаренных фруктов. – И конечно, может статься, что все это время наследники пытались договориться, случалось тяжбам идти и куда дольше, но...

– Ты не веришь?

– Не знаю пока... не знаю... познакомиться надо бы.

– Я отправил визитную карточку.

– Молодец, – кивнул Дуглас, который немало гордился сдержанностью своего ученика. Повзрослел, стало быть. Лет десять назад он бы просто проводил красавицу до спальни, где и продолжил бы знакомство. Что ж, леди Гленстон будет весьма довольна. А уж если он женится...

Правда, от этой мысли Дуглас отмахнулся как от совершенно невозможной. В отличие от леди Гленстон с ее надеждой получить внуков он явно отдавал себе отчет, что нет существа менее приспособленного к тихой семейной жизни, чем Кайден.

– Но ждать две недели, когда оно прилично станет? – Кайден одним глотком осушил чашку и аккуратно опустил ее на блюдце.

– Ты прав, в этом смысла нет. Нужен повод. Веский повод познакомиться... я прогуляюсь.

– А я?

– А ты внизу уберешься.

Кайден скривился, но возражать не стал. И вправду взрослеет...

– Еще что?

– Заказ был четкий. Устранить. Но так, чтобы походило на несчастный случай. Более того, сходство должно быть таким, что, если вдруг случится расследование, ни у кого не возникло бы сомнений, что произошел именно несчастный случай. Или на худой конец самоубийство.

Кайден поерзал:

– А кто?

– Заказчик неизвестен. Распоряжение пришло от главы гильдии, а он, сам понимаешь, не распространялся. Но награду обещали немалую. В числе прочего – снятие запрета на работу гильдии в Британии.

Действительно интересно. Деньги деньгами, а подобные обязательства не всякому под силу исполнить.

– Враги у этой твоей девоньки высоко сидят. Напиши бабушке, поинтересуйся.

– Чем?

– Всем, – Дуглас облизал пальцы. – Что интересного произошло в последние... скажем, полгода... нового, необычного. Может, слухи какие пошли.

Кайден кивнул:

– А караван?

– А вот с ним они и прибыли.

– То есть?

Дуглас вытер руки салфеткой:

– Нанялись в охрану, благо люди опытные, с рекомендациями. Как понимаешь, гильдейские бляхи они не светили, а в остальном – отчего бы и нет? Охрану-то наш друг расширял, опасался... чуял ли? Неважно. Главное, что договор был до Бристона. И был исполнен. Их уговаривали остаться, и в любом другом случае они бы согласились, но заказ имелся. И глава гильдии весьма настаивал, чтобы исполнили его как можно быстрее. И чище.

Пальцы Дугласа затарабанили по краю стола.

– Так что... надо решить, будем ли мы в это дело вмешиваться.

А вот теперь Кайден нахмурился.

– погоди, – Дуглас поднял руки. – Подумай. Дамочка явно непростая. И избавиться от нее хотят люди серьезные, раз уж на этих умельцев не поспешили. А подобные люди привыкли добиваться желаемого.

Кайден мотнул головой. Убивать женщин нехорошо. Куда хуже, чем убивать мужчин.

– Они не любят, когда кто-то нарушает их планы. Нужен тебе такой враг? – Дуглас сказал и поморщился, вот не стоило говорить о врагах.

Ишь, глаза заблестели. Кайден даже вперед подался, стол толкнул, и тонкий фарфор жалобно зазвенел, предупреждая, что не привык к подобному обращению.

– Нужен.

Врагов мальчишке не хватало.

Не считать же всерьез врагами местное отребье, которое давным-давно усвоило, что с городом и королевским дознавателем в оном городе им категорически не повезло.

Дуглас вздохнул и спросил:

– А караван?

– И караван нужен, – Кайден поднялся. – Караван я найду. Завтра... только...

Он задумался ненадолго, дернул головой, словно отгоняя невидимую муху, и поинтересовался:

– А он там совсем умер?

– Нет, самую малость, – Дуглас налил еще чаю, ибо чашки были, безусловно, прекрасны, но в то же время отвратительно мелки. Два глотка сделаешь, и уже дно показалось.

А подопечный застыл у окна, вперив взгляд куда-то в дебри сада, который задичал куда больше, чем хотелось бы прекрасной леди Гленстон, но все же не превратился в заросли, милые сердцу Кайдена.

Надо было забор поставить. Высокий.

Глядишь, и не полез бы к соседям, и не вляпался бы в чужие проблемы, которые уже вполне искренне полагал собственными. Как же славному воину – и без достойного врага.

Дуглас издал еще один вздох. Не сидится дома... Чтоб ему.

Глава 5

Устроившись в уголке с вышивкой, которую она взяла исключительно, чтобы скрыть трясущиеся руки, Катарина наблюдала за мьесс Джио и представлением, ею устроенным.

– И вы, милейший, полагаете, что справитесь? – мьесс Джио устроилась на софе. Перед ней переминался с ноги на ногу молодой маг.

Рекомендации его мьесс Джио держала в вытянутой руке, изредка поглядывая то на них, то на мага, и на лице ее было написано сомнение.

Маг и вправду выглядел чересчур уж молодым.

Он нацепил очки, стараясь казаться старше. Гладко зачесал волосы. Отрастил жиденькие усы, которые слегка подкрашивал. И теперь Катарина не могла отделаться от ощущения, что он сам, целиком, фальшив.

– Я лучший специалист в городе! – он покосился на Катарину и грудь выпятил.

– Тогда мне искренне жаль этот город. – Мьесс Джио свернула рекомендации трубочкой. – Но я дам вам шанс. Для начала пройдите, взгляните. Работы предстоит много...

В доме кипела жизнь. Катарина не знала, откуда взялись все эти люди. Женщины с ведрами и тряпками. Суетливые мужчины, что двигали лестницы и спешили забраться к потолку, откуда срывали паутину и сбивали пыль. Мальчишки-трубочисты. Старухи, что занялись сундуками.

Маг вскинул руки. Картинный жест. И сеть, конечно, он плетет весьма умело, Катарина оценила. Заодно и отметила, что силой его боги не обделили, может, оттого он и рисуется? Сама Катарина не стала бы использовать столь энергоемкое заклятие.

Можно ведь и проще. Пройтись по комнатам, наполнить силой русла старых заклятий, посмотреть, где идет сбой. Составить карту. А он стоит, запрокинув голову, пытаясь удержать растущую сеть, которая распускается причудливым цветком.

– Дурень, – ласково произнесла мьесс Джио и отмахнулась от экономки, которая к утру то ли подобрела, то ли поумнела и теперь старалась держаться подле новых хозяев. – Не удержит.

– А если справится? – Катарина потрогала иглу.

Вышивать она не любила. Но разве есть иное, более достойное королевы занятие? Разве что гобелены ткать, но ткать Катарина не любила еще больше.

– Не-а... смотри, разлом наметился.

Нити едва-едва истончились, и лишь весьма опытный глаз мог бы заметить неравномерность наполнения их силой. А маг? Почует ли? Нет, он слишком увлечен. И силы много.

Слишком уж много... почему он бытовиком стать решил? Ему среди боевых магов самое место. Это ведь куда более почетно. И воевать даже не обязательно. Нынче модно иметь при себе боевика. А он в этом захолюстье? Случайно ли?

Трещина расширилась. Некоторые нити истончились настолько, что готовы были погаснуть. И только теперь маг спохватился, обратил внимание на центр, чем сразу воспользовались края. Сила пошла в южный угол, а восточный погас.

И заклятие рассыпалось.

А маг выругался. Очень тихо. Покосился на мьесс Джио, на Катарину... откашлялся.

– Что ж... дом большой... очень большой и в состоянии пребывает не самом лучшим.

– Мы это заметили, мальчик.

– Фундамент стоит укрепить, особенно в западном крыле, там родники слегка подмыли. Пока еще он держится, но если ничего не делать, то лет через пару просядет, а значит, по стенам трещины пойдут. Они, к слову, во вполне приличном состоянии. Из парадных колонн стоит укрепить две, там внутренняя нестабильность ощущается...

А может, и хорошо, что в боевики не пошел. Боевиков нынче много, а толкового бытовика попробуй отыщи. И им с мьесс Джио, кажется, повезло.

– Русла старых заклятий сохранились. Раньше их пробивали в камне, а потом уже сверху закрывали или штукатуркой, или панелями. Слои придется снять, кое-где все равно забились, но это легко. Я бы предложил, если решитесь вскрывать, полностью переделать систему. Очень уж она громоздка и энергоемка.

Маг взмахнул руками, избавляясь от остатков паутины.

– С новой в доме будет и теплее, и меньше шансов, что где-то случится сбой. Конечно, можно положить и поверху, но, поверьте моему опыту, это ненадежно. И всегда остается вероятность, что близость двух каналов, старого и нового, приведет к конфликту.

Мьесс Джио кивнула. И губами причмокнула. От звука этого маг едва заметно дернулся, но устоял.

– С водой сложнее. Некоторые трубы необходимо менять.

– А срассить?

– Энергоемко.

– Сила у вас имеется.

– Затратно, – маг поморщился, и Катарина его понимала. Заклятия восстановления требовали не просто силы, но и умения этой силой управлять.

– У нас есть чем заплатить.

Маг вздохнул, почесал шею:

– Я подумаю... возможно, найдется другой путь... если стены все одно вскрывать.

– Вскрывать – это да, но не ломать же...

– Госпожа, – позвали Катарину шепотом. – Госпожа, вы позволите...

При дневном свете экономка не казалась такой уж старой. Да, женщина в возрасте, но еще крепкая, полная сил.

И недовольная. Тем ли, что приезд хозяев нарушил привычное бытие? Или напором Джио?

– Вы позволите, госпожа? Вас спрашивают...

– Кто? – поинтересовалась Джио, жестом велел магу замолчать. И тот подчинился.

– Так... сосед наш... – темные глаза экономки блеснули. – Очень достойный человек. Утром еще визитку прислали.

Сосед?

Уж не тот ли... Катарина, выронив вышивку, коснулась щек. Нет. Быть того не может... и даже если может, то... то ее он не заметил. Конечно. И надо просто...

– Вот что, юноша, – мьесс Джио обернулась к магу. – Вы все же тут походите, осмотритесь. Жить будете здесь, нечего зря время на дорогу тратить.

Маг кивнул.

И... обрадовался? Определенно. Работе ли? Или... нельзя быть настолько подозрительной.

– А вечером мы с вами сядем и подробненько все обсудим. Катарина, девочка моя, составишь компанию тетушке? Или к себе подняться хочешь?

Катарина хотела. Очень.

В ее комнатухе тишина и покой, и окна выходят в сад. И можно сидеть, тыкать иголкой в ткань... нет уж, хватит с нее закрытых комнат и запертых дверей.

Катарина поднялась. И руку мьесс Джио приняла.

А та одобительно кивнула:

– Правильно. Соседей, как и врагов, в лицо знать надо.

Этот был... не тем... определенно не тем... пожалуй, даже ниже мьесс Джио, которая не отличалась особой статью, что не мешало ей посматривать на мужчин свысока. И этого она разглядывала с немалым интересом.

В возрасте. Возможно, старше Генриха, хотя и ненамного. Стройней. Суше. И... аккуратней? Пожалуй что.

– Добрый день, – он отвесил поклон, на который мьесс Джио ответила кивком.

Черты лица резковаты. И нос огромен. Он приковывает все внимание, этот нос, своим неровным изгибом, вывернутыми ноздрями и красным пятнышком свежего ожога.

– Добрый, – Катарина присела, как принято.

– Прошу прощения за вольность, – гостю шел темно-синий дублет, напрочь лишенный серебра и золота, но меж тем сшитый из плотной ткани. – Мы не были представлены, однако...

Голос с хрипотцой.

И взгляд внимательный. Катарина привыкла, что ее разглядывают, но все одно ощущала себя... неуютно. Пожалуй. Появилось такое знакомое желание спрятаться за мьесс Джио, благо та держала Катарину под руку. Поняла? Или просто привыкла, что в последние годы ее подопечная стала совсем уж беспомощна?

– Мы всегда рады гостям, – собственный голос Джио обволакивает, и это тоже магия, родовая, почти забытая. – Но к сожалению, оказалось, что дом этот...

Они смотрели друг на друга, эти двое. И говорили. Обменивались ничего не значащими словами, но прощупывали один одного взглядами. Примерялись. К чему? И для чего?

– ...Как только мы приведем его в порядок... двум слабым женщинам... да что вы говорите?! Какой кошмар... мы ничего не слышали, правда, мы прибыли вчера ночью, поздно, да еще и тот бездельник, который должен был нас встретить...

Катарина вдруг остро ощутила, как наползают стены дома, старые, покрытые трещинами, но готовые сомкнуться и раздавить ее. Как трещит потолок и пол подрагивает. Еще немного – и...

Дышать. Вдох. И выдох...

– Простите, – ледяные пальцы Джио сжимают руку, причиняя боль. – Моя племянница еще не совсем оправилась после болезни...

Оправилась. И страх этот иррационален. Катарина сумеет. Катарина... дышит. Снова дышит. И видит, что стены стоят на своих местах, а на полу уже виден рисунок мрамора. И солнце светит в окна. Солнца так много, что фигура гостя кажется размытой. И Катарине приходится щуриться.

– Конечно, конечно... прошу прощения... но, возможно...

Голос доносится издалека. А в висках стучит кровь. И звук этот нарастает, почти заглушая слова, хотя Катарине нужно услышать.

– ...Будем рады принимать... просто по-соседски... если что-то нужно... будем рады оказать любую помощь...

Ей бы до комнаты добраться. Добралась. Катарина не помнила как, но добралась.

– Все, девочка, все уже... – Джио помогла забраться в постель и туфли стянула, накрыла одеялом, села рядом и взяла за руку. – Тип, конечно, преподозрительный, но нечеловеческой крови в нем нет.

– Это не тот.

Говорить получалось очень медленно. Зато Катарина заставила себя дышать. Если повезет, приступ скоро закончится, а нет... подумаешь, пару дней в постели. Здесь хотя бы никто не станет лить в нее силу, потому что королева не имеет права на слабость.

Королева, может, и не имеет. А вот Катарина заслужила.

– Не тот? Ничего. Завтра покажешь мне того.

– А если он больше не придет?

– Значит, мы просто прогуляемся...

Тело Кайдена спрятал хорошо, впрочем, в этих умениях подопечного Дуглас не сомневался. Но все одно проверил порядка ради. А то ведь мало ли что, неудобно получится, если Кайдену поручат это дело расследовать.

Очень неудобно.

Хотя и не с точки зрения Кайдена. Дуглас потопал ногой, проверяя прочность грунта. Трава была плотной и чересчур уж зеленой, а из холмика выстрелила пара веток, на которых уже распустились клейкие молодые листочки.

Завтра совсем хорошо затянется.

Дуглас обошел место по кругу и, присев у травы, хмыкнул. Вот же... мастера... вытащив из кармана платок, Дуглас аккуратно поднял серебряного ежа, в котором свернулось тугое заклятие. Второго он подобрал чуть дальше. У пруда отыскалась еще парочка.

И один – в полуразвалившейся беседке, которая показалась наемникам достаточно романтической, чтобы в нее заглянула одинокая скучающая дама.

Да уж... не знал бы, где искать, вовек не нашел бы.

Дуглас сунул кошель за пояс и обернулся. Бледная громадина дома возвышалась над садом. Окна были темны, да и сам дом гляделся неживым.

Девочка, конечно, хороша, но явно нездорова. А ведь Кайден такие вещи чувствует – природный дар. Но он о болезни и словом не обмолвился.

Может... Нет, спрашивать Дуглас умел, хотя и умение это не доставляло ему удовольствия. В дом наемники не совались... Интересно. И вправду интересно.

Он пересек границу, разделяющую два сада. Некогда на ней стояла стена, но ныне от нее осталась лишь узкая полоска фундамента. Приказать, чтобы восстановили? Поздно. Стена Кайдена не остановит, сколь бы высокой она ни была.

Подопечный сидел на огромном валуне, под которым виднелся вполне себе свежий травяной холм. В траве проклюнулись белые пятна маргариток, да и в целом поляна выглядела так, что хоть картину пиши.

– Вот, – Дуглас вытащил мешок.

– Ты ее видел? – Кайден соскользнул с камня. Прыткий, что ящерка, и опасный, как гадюка.

– Видел, – дразнить подопечного Дуглас не стал. – Она больна?

– Чем?

– А я откуда знаю. Я у тебя спрашиваю. Она больная была? Утром?

Кайден задумался, что хорошо, ибо полезная эта привычка появилась у него не так чтобы давно. Но думал недолго и головой покачал:

– Болезни в ней я не почувствовал. А что...

– Да вот, – рядом с валуном имелась и лавка, низенькая, старая, почти заросшая ныне мхом и лишайником, но все одно пригодная для сидения. – Не знаю... странное такое ощущение... молодая вдова и тетушка ее. Вот в то, что тетушка эта могла суд выиграть, я охотно верю. А твоя красавица... красавица, и только. Стоит. Молчит. Потом вообще едва не сомлела.

Кайден фыркнул. И оскорбился. Правда, ненадолго, он обошел лавку с другой стороны и, опершись на нее руками, спросил:

– Ты их...

– Пригласил. Но не факт, что приглашение примут.

Он вытащил из кармана кошель.

– А вот тетушка эта – маг, и не из последних. Она, конечно, амулетиком прикрылась, но уж больно характерные преломления он дает.

– Имя?

– Тетушки? Джо... Джо, Джо... что-то знакомое вот вертится...

Кайден надулся и зафырчал, аккурат что кот лесной.

– Племянницу Катариной звать... да... вдова... но я уже говорил или нет? И в ней сила имеется, но какая-то странная, будто закрытая, что ли? Не связывался бы ты с нею. Чувствую, проблем не оберемся.

Предупреждение запоздало. Определенно.

Кайден насупился и челюсть выдвинул, всем видом показывая, что сам уже взрослый и проблемами его не испугаешь. А стало быть, от девицы он не отстанет. Во всяком случае, пока не получит своего. Дуглас лишь надеялся, что много времени осада не займет, а там... интерес к завоеванным девицам Кайден терял довольно-таки быстро.

И эта не станет исключением.

Глава 6

Как ни странно, спала Катарина хорошо.

За весьма короткий срок Джио сумела привести в порядок если не дом, то хотя бы их комнаты, разделенные тонкой дверью, которую она – Катарина знала точно – на ночь распахнет и подопрет стулом. На всякий случай. Джио лично выпроводила горничных и повесила на дверь заклятие. И еще пару добавила на окна, плотно затянутые плющом. Катарина искренне сомневалась, что кто-то сумеет пробраться сквозь влажную и темную эту завесу, но с Джио не спорила. Бесполезно.

Та же разожгла в камине огонь, фыркнула, пробормотав:

– А трубы толком и не почистили.

После чего устроилась в кресле, вытянув длинные ноги.

– И как тебе свобода? – Джио вытащила мешочек с табаком, трубку, которую покрутила в пальцах и убрала. Она знала, что запах табака Катарине неприятен. Правда, не всегда обращала на это внимание.

– Не знаю, – Катарина обняла себя. – Мне думалось, что будет легче, а оно как-то...

– Сразу не будет, – Джио уперлась ногами, и кресло поддалось.

Старое, с потемневшими полозьями, оно доживало свой век где-нибудь на чердаке, пока не попало на глаза Джио.

– Я понимаю, но все же... не знаю... я думала, что уеду и все останется там...

Оно и осталось.

Роскошные наряды, которые занимали несколько комнат. Нижние рубашки из тончайшего батиста. Или вот шелковые, хотя Генрих шелк недолюбливал, полагая его скользким. Кружева и ленты. Украшения, слишком приметные, чтобы взять их с собой. Интересно, их передадут отцу или же в казну отправят? Второе куда как более вероятно, но Катарина знала, что и отец не позволит себя обделить.

– Читала? – Джио вытащила из-под задницы газету.

– Нет.

Газет Катарина избегала. Правды в них не писали, а лжи и без того хватало в той ее жизни.

– И зря... вот послушай, – Джио прочистила горло. – Как стало известно... так, это ерунда, это вообще бред сивой кобылы... снизошла милость... вдовствующая королева... ага... приняла решение удалиться... нашла приют под сенью монастыря Всех Дев Скорбящих.

Катарина поморщилась. Ей случалось бывать в этом месте, ибо королеве набожность к лицу.

Серые стены. Серые башни. Серые ворота, перетянутые толстенными полосами металла. Они отворяются беззвучно, но Катарине все одно слышится протяжный скрип. Серый двор. И женщины в одинаковых серых платьях. Их лица скрыты за вуалями, а на волосах лежат тяжелые платки. И лишь руки у всех разные, и потому Катарина смотрит на эти руки, пытаясь угадать, кому они принадлежат.

Скорбящие девы безымянны. И лишены права голоса.

Катарину передернуло, но совесть зашептала, что та женщина сама хотела удалиться от света, что видела она все иначе, что там, под сенью монастырских стен, она обретет свое счастье. А Катарина, она постарается прижиться здесь.

– Ага... еще пишут, что твой батюшка, чтоб ему икалось, пожертвовал монастырю двадцать тысяч золотых соверенов. На благоустройство.

Катарина поежилась.

Стены монастыря больше не казались столь уж надежными. А что, если... деньги у отца были всегда. Много денег... так много денег, что Катарина искренне не понимала, зачем

столько. Но ему всегда было мало что денег, что власти, а ее непонимание он почитал явственным свидетельством того факта, что женщины глупы.

– Думаешь, полезет? – Джо перевернула страницу.

– Уверена.

Попытается – это точно. Монастырь – не тюрьма, во всяком случае, для большинства тех, кто в нем обитает. Уйти можно легко.

Катарина вздохнула.

Разыграть смерть было бы куда как надежней, но отец потребовал бы выдать тело. А там достаточно сравнить кровь, и станет очевидно, что смерть фальшивая.

Монастырь же...

Катарина знала, что в этот день обитель приняла две дюжины скорбящих дев. Праздник же. Она ждала этого праздника, как никогда прежде, дни до него считая и притворяясь, что все идет как обычно. Она была мила и послушна. Она улыбалась нужным людям и обещала отцу повоздействовать на Джона, чтобы другие нужные люди заняли нужные же им места при дворе.

Две дюжины женщин, которые отреклись от своего имени и прошлого. Которые надели маски, а после и вуали. Они сразу затерялись среди двух тысяч монахинь, что уже проживали в обители. Достаточно ли этого, чтобы осложнить поиски?

Вполне. Но вот чтобы остановить...

– Замуж тебе надо, – сказала Джо, которая знала мысли Катарина так, будто бы были они ее собственными.

– За кого?

– А это не так уж важно. Нет, хорошо бы найти кого родовитого и сильного, но сойдет и слабый.

– Но родовитый?

– С купцом, пожалуй, будет сложнее, но тоже сойдется на худой конец.

Замуж Катарина не хотела. Никак.

Но и смысл в словах Джо имелся. Вдова, не имеющая детей, возвращается в дом отцовский. Старый закон. Древний обычай. И то, что Катарине позволена была малая иллюзия свободы... Джон не станет вмешиваться. У него не так много власти, а отец силен и нужен.

И Катарине ли не знать, что Джон заплатит за этот союз.

А их дружба... да какая там дружба? Пара встреч. Общие воспоминания и страх, что роднит паче крови.

– Муж отца не остановит... с мужьями порой случается... всякое, – Катарина вытащила из-под кровати тяжелый сундук. – Если он меня найдет, придется снова бежать... и снова...

– И всю жизнь бегать собираешься?

Катарина пожала плечами. Как получится. Может статься, что жизнь эта будет не такой уж и долгой.

Джо смотрела задумчиво, но говорить ничего не говорила, потом и вовсе спряталась за газетой, будто бы и вправду были ей интересны те пустые новости.

Катарина же открыла сундук. Ее сокровища. Аметисты. И пара крупных опалов. Россыпь изумрудов. Сапфиры – хороши для водной стихии. Жемчуг речной и морской... надо будет сделать себе амулет, чтобы волосы не путались.

Хотя... Катарина же обрезать собиралась?

Толстый кусок нефрита, слишком большой и неровный, но удивительного белого цвета, словно молоко застыло.

Металлы.

Тигели. Молоточки. Тонкий инструмент. Лупы и разборный столик. Ее альбом с узорами, заполненный едва ли на треть. Катарина вытащила ее и раскрыла. Провела ладонью по шершавым листам.

Отцу ее увлечение артефактами никогда не нравилось. В глазах его это вновь же добавляло Катарине несовершенства, но вот Генрих, удивительное дело, не имел ничего против. Более того, он приказал оборудовать мастерскую.

Под нее отдали комнату, в которой седьмая королева ткала гобелены, а затем, когда Катарина отправилась в Королевскую башню, в ней появились холсты и краски.

Та, что хотела стать девятой, любила живопись.

Катарина провела пальцем по завитку. Как там дальше было? Закрыть глаза. Вздохнуть. И представить узор, который она вырисовывала раз за разом, пытаясь разгадать его смысл.

– Собираешься повторить королевские артефакты?

– Собираюсь улучшить, – Катарина пересела за столик, на котором полагалось писать письма. Только кому? – На самом деле они не столь совершенны, как принято считать. Да, силы в них немало. Пожалуй, даже слишком много.

Катарина поморщилась, вспоминая, каково это – пропускать сквозь себя гудящие потоки, слишком мощные, слишком яростные, слишком...

Было больно. Сперва. Потом она более-менее привыкла и научилась отделять себя от этой боли.

– Даже так? – Джо плевать было на артефакты.

– Когда они были сделаны? Пять сотен лет тому? Конечно, накопители в них стоят мощнейшие, но вот все остальное... магическая наука не стоит на месте, – Катарина развернула альбом. – Смотри, вот эта связка... – ее палец прошелся по боковому элементу, который, по замыслу создателя, уравнивал четыре центральных, – ...содержит двадцать три руны, что очень много. Сейчас доказано, что нецелесообразно использовать сочетания, в которых более дюжины рун, – об артефактах думать легко.

Будь она мужчиной, она бы отправилась учиться.

Быть может, в Саббон, что стоит на берегу Римской реки, а может, и в Рим. Отец отправил брата туда, хотя тот учиться не желал. Но кто спорит с отцом?

– Взаимодействие двух или даже трех рун просчитать легко. Когда рун четыре или пять, уже сложнее. Возникают связи второго порядка, которые тоже приходится учитывать. Когда рун около десяти, требуется принимать во внимание и связи третьего порядка... именно поэтому дюжина считается критическим числом, поскольку большее количество рун приводит к возникновению не только новых тонких связей, но и целых рунных блоков, которые, в свою очередь, дестабилизируют структуру.

Джо умела слушать. Всегда.

Помнится, первое время Катарина ее боялась. И терялась в ее присутствии. Впрочем, в первое время она терялась постоянно, а Джо ждала. Джо умела держаться рядом, но будто бы в стороне.

– Раньше учитывались только первичные связи, и с этой точки зрения структура близка к совершенству, но если посмотреть иначе... – Катарина провела пальцем, разделив рунный блок на три части. – Огромное количество энергии тратится на то, чтобы удержать саму структуру, не позволить ей развалиться. Что-то рассеивается, а уж остатки уходят на выполнение непосредственной функции. И так во всем.

– Тебе стоило родиться мужчиной.

– Я знаю, – Катарина вздохнула и закрыла альбом. Завтра. Она возьмется за него завтра. Или послезавтра.

Джо отвернулась. Она знала, что рисунок этот Катарина сделала еще в Королевской башне. С тех пор прошло шесть лет.

Катарина просто устала. Ей нужно отдохнуть.

– Что ж, дорогая, – Джо поднялась. – Пожалуй, пойду я спать... и тебе советую. Завтра ранний подъем. Надо же взглянуть на этого твоего... героя.

Она ушла. И дверь прикрыла, позволив Катарине поверить, что она осталась одна. Потом, позже, когда Катарина уснет, Джо дверь откроет, чтобы слышать.

И пускай. Так даже спокойнее.

Катарина вновь открыла альбом. Руны и руны, сплетшиеся в рисунке. Раньше считалось, что мастер должен создавать вещи не только функциональные, но и красивые. Порой доходило до нелепого, как вот здесь: пять рун добавили лишь для того, чтобы не нарушать узора.

Королевские олени.

Розы.

И гончие псы Слепой жницы, о которой должен помнить всяк – что король, что нищий. Король помнил. Генрих боялся смерти, и с каждым годом все сильнее. Он прятал этот страх, а тот прорывался, перерождался, нашептывая, что все-то вокруг ждут и не дождутся, когда же его, Генриха, не станет. Страх плодил заговоры и заговорщиков, заставляя искать злой умысел в самых, казалось бы, обыкновенных вещах.

Кто погасил кристаллы? Кто подвинул королевское кресло слишком близко к камину? Кто смотрит вслед или смеется, поглядывая на короля? Кто смеет говорить, что этот король слишком стар и толст... кто...

Катарина решительно захлопнула альбом.

Не сегодня. И вправду стоит отдохнуть, ибо с Джо станется поднять ее на рассвете. А Катарина даже не уверена, что найдет малинник, а если найдет... кто сказал, что тот мужчина появится? Да и... это ведь совершенно неприлично! Непристойно!

Сидеть в кустах, ожидая... Катарина вдруг хихикнула. И зажала рот руками, представив, как бы отреагировал отец, узнай он... А потом смех исчез.

Как... он умел воспитывать непокорных детей. И не только словом.

Газету, оставленную Джо, Катарина все-таки взяла. И забралась в постель, на сей раз теплую и мягкую. Перины перетряхнули, одеяло подсушили, сменили постельное белье... Хорошо.

Катарина развернула газету.

И вздохнула, поняв, почему та осталась лежать на кресле. Джон женится... нет, она знала, что он должен будет. Совет настаивал, а Джон тянул, и в этой его медлительности многим виделся намек на их несуществующую связь.

А теперь он женится. На Маргарет.

Отец будет доволен. А Катарина... она смотрела на портрет сестры и думала, что, если бы захотела, могла бы оказаться на ее месте. И была бы свадьба.

Корона на ее голове.

Джон... он ведь красив. И добр. Умен. Великодушен. Пока.

Говорили, что и Генрих когда-то был таким. Но власть рождает чудовищ, а Катарина не хотела видеть, во что превратится по-своему дорогой ей человек.

Поздравить его? Это будет неразумно, но...

Катарина перевернула страницу.

Писали о помолвке. И о Маргарет, прославляя красоту и кротость младшей из рода Годдард. Странно, что память ее не сохранила. Ей было пять, когда Катарина покинула дом. Какая она?

Катарина погладила портрет.

Наверняка она красива... быть может, красивей Катарины. Определенно куда красивей. Ей шестнадцать, а Катарине двадцать семь. Она только-только расцветает, а Катарина... ей не так долго осталось. Она уже стара. Старше матери, той было двадцать шесть, когда она умерла в очередных родах, оставив отцу пятерых детей.

Слезы все-таки поползли по щекам. Пускай.

Катарина нашла заметку о себе и прочитала трижды. Легче не стало. Там, во дворце, наверняка решили, что этот отъезд ясно дает понять, что время восьмой королевы ушло. Хорошо бы отец поверил.

Катарина вздохнула.

И погасила кристаллы. Закрыла глаза, уже понимая, что не уснет – вдруг появилась обида: и на Джона, который так уговаривал остаться, а потом вдруг из всех невест выбрал Маргарет, и на нее, хотя она ни в чем не виновата, и на отца, что постарался упрочить свою власть.

На всех тех людей, которые клялись в любви и преданности, а теперь просто-напросто забыли.

Нет больше королевы.

Но как ни странно, Катарина провалилась в сон, и был он теплым, спокойным и полным волшебства. Такие снились ей в глубоком детстве, когда она еще верила, что мир – это чудесное место и люди просто-напросто не могут быть в нем несчастны.

Глава 7

Кайденом легко поднялся по старому плющу. Он был осторожен.

Он переступил через тончайшую нить сторожевого заклęcia, которое окружило дом. Надо же... нет, заклęcie было весьма качественным, но Кайденом умел обращаться с такими.

Дважды обойдя вокруг особняка, он остановился перед задней дверью, которая была приоткрыта.

– ...А потом она мне так и говорит...

Раздраженные человеческие голоса заставили Кайденом попятиться и замереть. Он знал, что люди в темноте видят плохо, но рисковать не собирался. Уходить тоже.

Слуги зачастую знают многое, а ему было любопытно.

– И огнем как...

– Да свистишь, если б она тебя огнем пальнула, ты б тут не стоял.

– Легко тебе говорить, – этот голос был по-женски визглив, хотя и принадлежал мужчине. – Где это видано, чтобы живых людей...

– Сам виноват, нечего было в кабаке зависать. Погоди, она еще за книги не бралась...

Ненадолго воцарилась тишина.

– А светленькая ничего так... сочная... я б ее...

Человек добавил пару слов, после которых рука Кайденом сама потянулась к клинку. И сущность Тени отозвалась легко, она тоже не любила тех, кто вот так неуважительно обсуждал женщин. Впрочем, Тень вообще к людям относилась с немалым предубеждением.

– Заткнулся бы ты от греха подальше, – проворчал второй и поднялся со ступенек. – Если кто услышит, потом не жалуйся...

– Донесешь?

– Больно надо... только с мьесс связаться себе дороже...

– Любую кобылу стреножить можно.

В воздухе запахло дымом.

– Гляди, чтоб эта кобыла тебе руки не переломала по самые локти, – человек был велик и пахло от него водным камнем. Запах этот заставлял Кайденом морщиться.

Кровь великанов?

Сильно разбавленная, но все же она сказывалась в этом человеке, наделив его немалым ростом и, как Кайденом подозревал, силой.

– А что я? – второй, сидевший на ступенях, был невелик и сутуловат. – И без меня умельцы найдутся...

– Луис! – жесткий окрик заставил лакея вскочить. – Где тебя демоны носят? Бездельник...

Женщина, выглянувшая во двор, огляделась. Нахмурилась. И добавила пару таких слов, что покраснел даже Кайденом.

– В дом идите, – сказала она уже спокойней. И отступила. – Завтра день тяжелый, велено ремонт начать.

Кайденом улыбнулся. Если дом будут ремонтировать, значит, Катарина не уедет. А это хорошо. Очень хорошо. Вот только...

Ночной ветер погнал по дорожке пыль, и на долю мгновенья запахло... неправильно. Резко. По-звериному. Впрочем, не успел Кайденом понять, что это за запах и почему заставлял он вжиматься в землю, как тот исчез, сменившись тяжелым цветочным ароматом.

– Вот дура... – пробормотал первый, и непонятно было, о ком именно он говорит.

Дверь закрылась. А Кайденом двинулся по кругу.

Дом был стар. И сад был стар. Он подобрался вплотную, вцепился в камень шипами и колючками, пустил в него корни. Он протянул к камню ветви, распустил зеленую листву, укрывая его от ночного ветра. И Кайдена тоже, хотя ветер ему не грозил.

Взобравшись по лозам, он ненадолго задержался на подоконнике, ровно настолько, чтобы раздвинуть нити сторожевого заклęcia. Само его присутствие Кайдена скорее порадовало, разве что показалось заклęcie чересчур уж простым. Впрочем, для людей сойдет.

Он скользнул в комнату. Вдохнул запах, такой мучительно сладкий, смешанный с ароматами трав и благовоний.

Комната была невелика.

Странно. Хозяйку могли бы поселить в покои попросторней. А здесь... от стен едва уловимо тянуло сыростью. В камине еще ворочалось пламя, которое, почуяв Кайдена, взметнулось, зашумело.

– Тихо, – он прижал палец к губам и плеснул в огонь силы, которую тот принял благодарно.

Пол поскрипывал.

И Кайден поморщился: с мертвым деревом договориться еще сложнее, чем с огнем.

– Деточка? – этот хрипловатый голос заставил Кайдена метнуться к кровати, под которую он скользнул одним мягким движением. И замер, прижавшись к полу.

Следовало признать, что дому не нравился не только Кайден. Доски заныли, заскрежегали. Вздохнули, прогибаясь под весом женщины, и распрямились.

– Спишь? И хорошо...

От этой пахло магией, и запах был острым, едким даже. Кайден вжался в пол, отметив про себя, что местные слуги старательностью не отличаются. Мало того что пыль клубками лежала, так и доски были какими-то липкими.

– Спи, девочка, спи... все уж... – женщина-маг остановилась у кровати, и Кайден смотрел на босые ее ноги, узкие, длинные, с накрашенными ногтями и широкой полосой браслета на левой щиколотке. – А мужа мы тебе найдем... обязательно.

От браслета не просто тянуло магией, воняло так, что Кайден зажал себе нос. А вот слова про мужа ему не понравились. Категорически.

Дождавшись, когда женщина уйдет – а она не спешила уходить, будто подозревая, что Кайден находится рядом, чего быть не могло, поскольку он умел прятаться, – он выбрался из-под кровати. Отряхнулся от пыли и склонился к той, которая спала.

Во сне она выглядела милой. И тревожной.

Нахмурилась. Повернулась на бок. Взлетела и бессильно опала тонкая рука. Завозились ноги, сбивая пуховое одеяло. И пусть картина открылась пречудесная, ибо ночная рубашка незнакомки сделана была из тончайшей ткани и почти не скрывала очертаний ее тела, но ведь холодно же.

В доме. И в комнате. Поэтому Кайден одеяло поправил.

– Нет, – четко произнесла Катарина. – Нет, пожалуйста... я не виновата... ни в чем не виновата...

Она вскинула руки, вцепилась в Кайдена, и тот застыл, не зная, как быть. Бежать? Прятаться? А если придет та, другая? Или Катарина очнется... а она спит, пусть распахнула яркие свои глаза, но все равно спала. И говорила, лепетала что-то быстрое, суетливое.

– Все хорошо, – Кайден положил ладонь на горячий лоб, призывая силу, которая ответила, пусть и неохотно. – Все хорошо. Спи...

– Хорошо? – тихо переспросила она.

– Конечно, хорошо. Спать надо. Отдыхать.

И Катарина послушно закрыла глаза. Опустилась на подушки и задышала ровно, спокойно, а на губах появилась улыбка. Вот так-то лучше. Но одеяло Кайдена все одно подтянул повыше.

Он постоял немного.

Коснулся прохладного лба. Прислушался. Нет, болезни он не ощущал, хотя не стоило обманываться, этого семейного дара ему достались капли, но их хватило, чтобы справиться с подагрой деда... но здесь... слабость.

И страх. Такой давний, вросший в тело.

Еще магия.

И что-то кроме, чего Кайдена не мог понять. Он убрал руку и отступил к окну. Завтра... он вернется к ней завтра. И послезавтра. И еще через день. И будет возвращаться снова и снова, пока не поймет, что нужно делать.

Катарина проснулась на удивление отдохнувшей. И зевнула. Села в постели.

Зажмурилась. Солнце подступало с востока, пробиваясь сквозь гардины, за которыми шелестело зеленое море сада. Ее сада.

И мысль эта заставила улыбнуться.

– Доброго утра, – мьесс Джио уже изволила не только встать, но и облачиться, из всех своих нарядов выбрав темно-зеленое платье. Притом оттенок был на редкость неудачным.

Она сидела за туалетным столиком, пила чай и курила. На сей раз трубку.

– Что-то случилось? – хорошее настроение, с которым Катарина проснулась, моментально исчезло. Трубка Джио появлялась на свет, когда сама Джио испытывала душевные волнения.

– Не знаю... беспокойно как-то, – она выдохнула колечко дыма, которое медленно поднялось к не слишком чистому потолку. – Старею, должно быть...

Это вряд ли.

Пусть Джио вдвое старше Катарины, если не втрое, но разве это срок для мага? Да и вообще... Катарина доверяла ее чутью куда больше, чем собственному.

– Ну, – она вскочила, отставив кружку. – Мы идем?

– А ты... серьезно?

Катарина успокоила дрожащие руки. Непокойно?

– Еще как серьезно. Мужчина в саду, дорогая моя, чтоб ты знала, это всегда более чем серьезно... так они и заводятся, сперва в саду, потом в доме, а потом уже опомниться не успеешь, как его сапоги воняют под твоей кроватью.

Катарина позволила себе улыбку.

– Так уж и воняют?

– Еще как воняют. Поэтому кавалеристов и недолюбливаю. Ощущение, что спишь не только с мужиком, но и с его лошадей тоже... так что одевайся, нехорошо заставлять себя ждать.

– А если он не придет?

– Тогда мы просто погуляем. Будем считать, что мы совершаем утренний моцион.

Ага.

И снова. И... пожалуй, никогда прежде Катарина не одевалась так быстро и с такой охотой. Правда, легкое муслиновое платье Джио убрала в шкаф, вытащив из него темно-зеленый бумазейный наряд. Катарина понятия не имела, что у нее подобный наряд существовал.

Впрочем, кажется, она вообще слабо представляла, что взяла с собой.

– И волосы... погоди, не ерзай... вот так, – Джио с косой управилась легко, окинула Катарину взглядом, кивнула сама себе и, вытащив из кошелька тонкий кожаный шнур с парой камней, обвязала им руку. – Так оно надежнее...

Розовый турмалин? Камень, защищающий от привороотов и в то же время сам способный приворожить. Янтарь? И бледно-зеленая малахитовая капля.

– Не бери в голову... это так, с Зеленых берегов, – Джо не любила говорить о той своей жизни и сейчас вот поморщилась, словно от зубной боли. – На удачу. И мне спокойней будет.

Янтарь – камень души, помогает успокоить. Впрочем, не стоило обманываться, проблемы Катарина не решить вот так просто. Но она погладила гладкую бусину. Вдруг и вправду поможет?

А вот агат проясняет мысли. И вообще...

Говоря по правде, она не была уверена, что сумеет отыскать то самое место. Все-таки забрела на поляну Катарина случайно, а назад шла, слишком увлеченная собственными мыслями. Однако стоило пересечь границу ручья, и под ноги нырнула тонкая нить тропы.

Дуб никуда не исчез.

Стоял, огромный, вдвоем не обхватишь, и кряжистый, будто устал держать на плечах своих всю тяжесть неба. Листья его серебрились, словно инеем покрытая, а меж корнями белели маргаритки.

– Ага... – Джо крутанулась.

И снова...

Кусты малины приветливо задрожали, осыпав Катарину белым цветом. В них все так же гудели пчелы и пахло медом, хотя для меда было слишком рано.

– А ведь я взрослая женщина, – задумчиво произнесла мьесс Джо, устраиваясь на земле. Она расправила юбки, цвет которых медленно менялся, и казалось, что это трава прорастает на ткани, и на руках, и на волосах Джо. – Лапонька моя, не стой. Мужик, он существо пугливое... вот что олень твой... от оленей, правда, пользы не в пример больше...

– Какой? – Катарина опустила на траву и потрогала собственную юбку, которая также медленно менялась.

Магия? Если и так, то незнакомая...

– Исландская шерсть, – Джо поерзала, устраиваясь поудобней. – Подарок... старого друга... а что до пользы, то я вот оленину весьма жалую.

Она замолчала и прижала палец к губам, а над головой Катарина развернулся знакомый купол.

– Так оно понадежней будет.

От магии знакомо заудела кожа, но на сей раз зуд был слабым, и Катарина с легкостью отмахнулась от него.

Незнакомца она не услышала.

О нем зазвенели пчелы и сойка закричала, предупреждая, но тотчас смолкла, заскакала по веткам дуба, будто бы ей тоже было любопытно. А он появился, как и в прошлый раз, словно из ниоткуда.

Вот не было. Вот есть.

Стоит, озирается... видит? Катарина замерла, и сердце оборвалось. Если то, что произошло вчера, можно было считать случайностью, то сегодня они с Джо определенно нарушили все мыслимые и немыслимые правила приличия.

– А он и вправду хорош... и это нехорошо.

– Почему?

Белые волосы он заплет в косу, которую украсил разноцветными перьями.

– Потому что... – проворчала Джо, но все же снизошла до объяснений: – Вот влюбишься, голову потеряешь, а мне потом разгребать.

Катарина позволила себе улыбку. Влюбится? Она?

Это... невозможно. Наверное. Нет, было время, когда она, Катарина, мечтала о любви, о такой, как в романе, чтобы с первого взгляда и до конца дней, чтобы жить, дыша друг другом, не имея возможности надыхаться вдоволь.

Чтобы сердце всякий раз обрывалось при взгляде на него. И в животе бабочки.

Какая любовь без бабочек в животе? А теперь вот в животе пустота, которой тот недоволен, что и изволит выражать совершенно неизысканным урчанием. И хочется отнюдь не любви, но свежего молока и булочек. Можно с маслом. И с сыром.

Мысли определенно были неромантического склада.

Меж тем гость избавился от куртки. И рубашки. И обуви, которую аккуратно поставил между двумя горбами корней, чем заслужил одобрительный кивок Джо.

Красота красотой, а порядок она все же ценила больше.

Он повел плечами, встал спиной к Катарине и, оглянувшись, потянул вниз подштанники.

– Что он делает? – Катарина поспешно закрыла глаза.

– Раздевается.

– Я вижу!

– Тише, спугнешь...

Этого, пожалуй, спугнешь.

– И не трясись. Можно подумать, никогда голого мужика не видела.

– Не видела, – призналась Катарина.

А Джо фыркнула и ответила:

– Тогда тем более... когда еще случай выпадет.

Катарина искренне надеялась, что весьма и весьма не скоро. И в конце концов, что она там не видела... то есть именно то, что ей собирались показать, она и видела, но не сказать, чтобы была сильно впечатлена.

В бок вписался острый локоть, и Катарина приоткрыла глаз. Левый. Потом подумала и приоткрыла правый тоже.

– Позер, – проворчала мьесс Джо, но без прежнего раздражения. – Но хорош... ишь, вертится, что твоя юла... и главное, не боится же отмахнуть себе чего-нибудь важного нена-роком.

Он и вправду не боялся.

Или боялся, но не очень, потому что иного объяснения происходящему Катарина не находила. Разве можно вот так... у нее сердце в пятки ушло, а потом вернулось, чтобы снова уйти.

Гудел воздух. Пели клинки. И Катарина слышала их голоса. Левый раздраженно выл, и казалось, он вот-вот вывернется из руки, ударит по пальцам. По ноге.

По тому, на что приличным вдовам смотреть не стоит. А Катарина вот смотрит... то есть большей частью на клинки, конечно. Правый пел тонко, надрывно, он казался натянутой струной, что вот-вот лопнет, не в силах сдержать напряжение. И тогда сам клинок рассыплется.

А человек...

Не человек. Люди не могут быть настолько подвижны. Тела их не способны так выгибаться. Катарина знает. Ей случалось наблюдать за тренировками, в том числе королевской гвардии, на которые собирались лучшие из лучших...

Пока кто-то не донес Генриху, что его королева слишком уж много внимания уделяет другим мужчинам. Катарина вздрогнула и обняла себя.

А клинки скрестились над головой чужака. Теперь он стоял спиной к Катарине, и мышцы его вздулись, будто клинки эти весили куда больше, чем казалось с виду. На смуглой коже блестели капли пота, и рисунок шрамов проступил куда четче, чем в прошлый раз. А коса приклеилась к позвоночнику. И Катарине подумалось, что само наличие этой косы донельзя разозлило бы Генриха.

Он не любил людей, которые выделялись.

И нелюдей тоже. Наверное, потому, что они выделялись сильнее обычного.

– Не будь у тебя этой пакости, – мьесс Джио коснулась запястья Катарины, пробуждая спящую силу, – я бы сказала, что вам срочно нужно познакомиться. Такие безголовые красавцы – лучшее средство от хандры. Но вот для серьезных дел они не годятся. Категорически.

Катарина поскребла кожу, поморщилась и согласилась. Вряд ли можно ждать серьезности от человека, который нагишом скачет в чужом саду.

Пусть и с клинками. Но ведь нагишом!

Глава 8

Кайден выбрался через окно.

Во-первых, вернулся он вчера поздно и не стоило надеяться, что сей факт пройдет мимо Дугласа, а наставник отличался не только въедливостью, но и воистину потрясающим чутьем на ложь. Врать ему не хотелось, а сказать правду... Кайден подозревал, что правда его обрадует еще меньше, чем вранье.

Во-вторых, Дуглас наверняка поинтересуется, куда это Кайден собрался и зачем ему спозаранку клинки. В-третьих... в общем, путь через окно представлялся наиболее удачным вариантом. На землю Кайден соскользнул беззвучно, и трава мягко спружинила под его ногами.

Он вздохнул.

И нырнул в заросли терна. Колючие ветви раздвигались, чтобы за спиной переплестись в одну сплошную шипастую стену. По ней немедленно поползли тончайшие нити вьюнка. Трава распрямлялась, скрывая следы.

Он выбрался к старому фонтану, чаша которого давно уж дала трещину с одной стороны и поросла мхом с другой. За фонтаном обнаружился остаток древней стены, некогда разделявшей сад на два, а уже за ним и тропа.

Женщина пришла.

Кайден почувствовал ее задолго до того, как увидел старый дуб. Этот запах принес ветер, а с ним и другой, заставивший поморщиться.

Она пришла не одна.

Это плохо? Или напротив?

Женщины любят делиться... но та, другая, была старой. И красотой не отличалась. А еще в ней жил огонь, что тоже не могло радовать. И Кайден даже сделал шаг назад, но потом мотнул головой, мысленно обругав себя за нерешительность.

Чтобы он – и женщины испугался? Ладно, двух...

Оказавшись у дуба, Кайден не удержался, бросил взгляд в заросли малины, но увидел лишь белый цвет, над которым кружили пчелы.

Женщины прятались весьма умело. Вот только ветер их выдавал. И Кайден, усмехнувшись, снял куртку. Они пришли посмотреть? Что ж, Кайден готов устроить им зрелище.

И рубаха отправилась на траву... Стесняться ему нечего. Определенно.

Призрак взвыл. И Тьма ответила ему протяжным стоном. Поддался ставший вдруг плотным воздух. И ветер, скользя по коже, слизал первые капли пота.

Кайден закрыл глаза.

Тело двигалось в знакомом танце, и Кайден позволял клинкам вести, лишь придерживая раздраженную бездействием суть их.

Призрак.

Рожденный тенью холмов, одной из тех, вечно голодных и неприкаянных, что вечность проводят, пытаясь найти кого-то, кого можно сожрать, на долю мгновения урвав настоящей жизни. И мальчишка-полукровка – чем не добыча.

Всем.

Тьма была куда осторожней. Тьма коварна. Она умеет красть голоса, а потом звать, завлекая ниже и ниже, к мертвым водам, к которым не рискуют подходить и те, кто кровь от крови Дану.

Тьма заплакала. Но Кайден ей не поверит. Больше не поверит. Ему не десять.

Он заставил себя сделать вдох, и раскаленный солнцем воздух обжег гортань. Кайден стиснул зубы и почти позволил клинкам вырваться, почти позволил поверить, что свобода возможна, но в последнее мгновение удержал. Подавил.

И вернул себе способность дышать. Кайдено стоял, чувствуя, как ноют мышцы и кости, и кажется, тело удерживалось вместе единственно его волей, и только. Бухало сердце, слишком горячее, слишком живое для того, кто хотел остаться в мире теней.

Кайдено запрокинул голову и закрыл глаза.

Он спиной чувствовал взгляд, и губы сами собой расплылись в улыбке. Да, так будет хорошо... завтра он придет снова.

И послезавтра. И...

Клиники все-таки рухнули, столь же обессиленные, как и он.

Джио первой выбралась из кустов малины, но ровным счетом для того, чтобы обежать вокруг дуба. Она присела у корней его. Потрогала мягкую траву. Хмыкнула. Покачала головой.

– А он здесь не в первый раз.

– Я это поняла, – Катарина присела на корень и вытянула ноги.

А ведь хорошо... солнце светит, но пока не жарит, и можно просто сидеть, наслаждаясь мягким этим теплом.

Слушать пчел.

И позволить бабочке опуститься на юбку, которая все еще казалась сделанной из травы. И не потому ли эта бабочка так спокойно распахнула крылья?

Красивая.

А в королевских садах бабочки не водились. Из-за защитной сети, которая развернулась и над садом, и над дворцом. Эта сеть и птиц отпугивала, и потому сейчас Катарина слушала нехитрую песню пеночки.

Тинь-динь-тинь.

– Место силы, – мьесс Джио тоже устроилась на траве и ноги скрестила. Сегодня она выглядела куда моложе, чем обычно, и Катарина поневоле задумалась, сколько же ей лет. – А еще он знал, что мы здесь.

– Что? – Катарина вздрогнула, и бабочка сорвалась, заплесала вокруг.

– Поэтому и показал товар лицом.

– Это было не лицо!

– Поверь, для многих мужчин это и есть лицо.

Катарина фыркнула и, не выдержав, рассмеялась. И удивилась тому, что смеется. А ей казалось, что она вовсе разучилась вот так... Тинь-динь-тинь.

И птаха в ветвях заходится.

Тинь...

– Значит, больше не пойдём...

– Не рекомендую, – покачала головой Джио. – Мальчик горячий, как бы чего не вышло. Мы тебе другого найдем.

– Не надо, – Катарина смахнула слезы, выступившие на глазах не иначе как от смеха. – Не надо другого. Никакого не надо. Я... хочу пожить сама. Понимаешь?

И Джио кивнула. Пожалуй, именно она действительно понимала.

А к обеду нагрянули гости.

Катарина сидела на террасе, куда выставили пару плетеных кресел и такой же стол, пусть и несколько перекосившийся в силу почтенного возраста. На столе появились кувшин с лимонадом, высокие стаканы, корзинка, куда ссыпали слегка морщинистые яблоки.

Катарина листала страницы альбома, пытаясь сосредоточиться на работе. В ней она когда-то находила и утешение, и успокоение, а вот теперь руны рассыпались, что жемчуг с порванной нити, а она, Катарина, все никак не могла понять, где этот разрыв. И что она делает неверно.

Впрочем, положив руку на сердце она не больно-то и старалась. Так, сидела с альбомом, создавая иллюзию занятости, а сама разглядывала место, в котором ей предстояло провести остаток дней.

Дом за спиной ощущался мрачною громадой, почти лишенной жизни. То тут, то там в ней вспыхивали искры силы, и стало быть, Джо с магом начали работу. Сустились нанятые женщины, приводя в порядок внутреннее убранство. И это обилие чужих людей пугало Катарину.

А вот на террасе было тихо.

Спокойно.

Эта терраса словно возвышалась над заросшим садом, а с ним и над холмом, где стояло поместье. Сквозь зеленую пелену деревьев виднелись и дорога, и тень города, о котором Катарине помнилось лишь, что он был. Быть может, потом, когда она окончательно привыкнет к этому месту, Катарина и найдет в себе силы пройти до города.

Или не пройти? Экипаж нужен, как и лошади. Воронье, как те, что летели по дороге, поднимая клубы пыли. Катарина закрыла альбом и коснулась медальона на шее. Что-то подсказывало, что вот эта легкая коляска появилась вовсе не случайно.

Гости? Еще одни соседи?

Оказалось, хуже – родственники.

– Деточка, – пухлая женщина с невероятной для ее габаритов легкостью выбралась из коляски. – Как я рада тебя видеть! Обними же свою тетюшку... Господи, счастье-то какое... не могу поверить, что я действительно тебя вижу! Я ведь вижу?

– Не знаю, – робко заметила Катарина. – А вы видите?

– Определенно. – Женщина поднесла к глазу лорнет и прищурилась. – Вылитая матушка! Моя сестра, мир ее праху, всегда отличалась просто удивительной красотой. А вот я больше в батюшку пошла, да... но ничего...

– А вы...

– Леди Терринтон, но ты можешь звать меня тетюшка Лу, – женщина помахала рукой. – Кевин, Гевин, бездельники, немедленно выбирайтесь и поприветствуйте кузину, как она это заслужила.

Катарина подумала, что она, верно, сходит с ума, потому как знать не знала эту пухлую женщину в ярко-желтом наряде, который можно было бы назвать элегантным, если бы не обилие оборок.

Меж тем из коляски выбрался смуглый брюнет.

А затем и второй, отличавшийся от первого лишь цветом джеркина¹.

Катарина закрыла глаза, искренне надеясь, что и женщина, и ее брюнеты, разглядывавшие Катарину с немалым интересом, исчезнут.

Но нет.

– Дорогая, тебе дурно? Ты, верно, еще не привыкла к нашему климату, – тетюшка Лу всучила зонтик одному из брюнетов, Кевину или Гевину, Катарина так и не поняла, а сама подхватила названую племянницу под руку. – В колониях ведь все иначе, верно? Ах, помню, дорогая моя сестрица там тоже первое время изрядно мучилась. Все жаловалась то на солнце, то на насекомых, то на слуг... а ты никого не привезла с собой? Говорят, что нынче мавры в моде... идем, дорогая, в дом. На тебе лица нет... Кевин, займись багажом.

– К-каким?

– Нашим, – тетюшка Лу ущипнула Катарину за щеку. – Неужели ты могла подумать, что я брошу сиротку одну?

Сиротка была бы очень даже не против остаться в одиночестве.

---

¹ Короткая мужская куртка в Англии XVI в. (Здесь и далее прим. авт.)

– Нет, нет и еще раз нет! Я ведь понимаю, как тяжело тебе пришлось. Потерять сперва родителей, а потом мужа... не представляю, что было бы со мной, если бы с моим Гарольдом произошло...

Этот громкий голос заполнял, казалось, все пространство, не оставляя места иным звукам. И Катарина сделала глубокий вдох, чтобы сказать:

– Простите...

– Это ты нас прости, – тетушка Лу огляделась. – Нам следовало встретить тебя в порту, но... мой Гарольд был так занят, а оставить его без присмотра?! О нет... и у Кевина как раз помолвка расстроилась... да и письмо твое несколько запоздало. Это бывает. Боже... я платила, чтобы за домом присматривали, но подумать не могла, что его настолько запустят!

Катарину наконец отпустили, чем она воспользовалась, чтобы отступить от родственницы на шаг.

– Ничего, дорогая, мы все исправим. Я помогу тебе.

– Не надо...

– Не стоит. Мы ведь родственники, а родственники должны друг другу помогать. Гевин, немедленно возвращайся в город. Нам понадобятся горничные, но толковые, а не смазливые. Не хватало тут из дома устроить невесту что...

– Вы кто? – мьесс Джио, наблюдавшая за суетой из тени, решилась-таки эту тень покинуть.

– А вы? – тетушка Лу вновь вскинула лорнет. – Катарина, деточка моя, изволь объясниться...

– Это моя тетя... другая тетя, – вовремя оговорила Катарина. – Мьесс Джио.

– Магичка? – тетушка Лу скривилась. – Дорогая, магичка – не лучшая компания для молодой незамужней женщины.

– Какая уж есть, – Джио сумела встать между Катариной и тетушкой. – А вы...

– Леди Терринтон. – Лорнет уперся в грудь Джио. – Если вы слышали, конечно...

– Конечно, слышали. Как можно было не слышать... – это прозвучало почти издевкой. – Помнится, вы некогда были весьма... строги к своей сестре.

Катарина окончательно перестала понимать что-либо. Она тихонько отступила вбок, но лишь затем, чтобы оказаться рядом с брүнетом. Кевин? Гевин?

– Рад познакомиться, милая кузина, – ее ручкой завладели и поднесли к губам. Поцелуй, который остался на коже ожогом, длился как-то совсем не по-родственному долго. – Прошу простить матушку, она порой излишне эмоциональна. И энергична. Я говорил, что стоит предупредить, но увы, если матушка приняла решение, то уже не отступит.

– Ничего, – руку Катарина спрятала за спиной.

– Вы в колониях так загорели? – осведомился второй брүнет, заняв место слева от Катарины. – У нас здесь в моде бледность, но ваши веснушки выглядят просто очаровательно...

– Спасибо. – Она чувствовала себя взятой под стражу.

– ...Я была на стороне родителей, как и подобает послушной дочери... но со временем...

– Простите, – Катарина заставила себя сделать шаг вперед. – Мне немного дурно... климат... непривычный... еще...

По лестнице она поднималась медленно, сохраняя остатки достоинства, и лишь оказавшись наверху, позволила себе выдохнуть.

Проклятие! Ее уверили, что та женщина, которая подарила Катарине имя, сирота. И похоже, были правы. Но вот о наличии других родственников могли бы и предупредить.

И как теперь быть Катарине?

Она заперлась в комнате и, прислонившись к двери, стояла. Кусала губы. Чувствовалось, что избавиться от любимой родни будет непросто. Тетушка Лу не похожа на женщину, которая

этакое оскорбление спустит. Оставить? И ее, и эту парочку кузенов, что появились неспроста, но... почему?

Когда дверь между комнатами открылась, Катарина спросила:

– И что нам делать?

– Терпеть и искать повод, – ответила Джио, которая тоже не выглядела довольной. – Веский повод, такой, чтобы эта стерва потом не смела и рта раскрыть.

– Откуда она вообще...

Джио сняла браслеты и пошевелила руками. Темная вязь рисунка, что начинался на запястьях и уходил куда-то выше, под рукава, вспыхнула силой. И погасла.

А Катарина подумала, что никогда-то не спрашивала о том, как появился этот рисунок. И что он значил. Спросить? Что-то подсказывало, что Джио не ответит.

– Что тебе вообще сказали о Катарине Говард?

– Что у нас один возраст. Одно имя. Она сирота. Воспитывалась в колониях. Что хочет уйти в монастырь и это мой шанс.

Катарина обняла себя.

Джон был убедителен. Знал ли он о грядущей помолвке? Должен был знать. Подобные вещи не решаются быстро, а значит, имелись договоренности, хотя бы предварительные. И Катарина... мешала?

Очевидно. Двум королевам сложно ужиться в одном доме.

– Все верно, – Джио рухнула в кресло и вытащила кисет с табаком. – Вот не зря мне сегодня неспокойно, не зря... так вот, матушка Катарина Говард, Элизабет Норрингем, некогда была весьма известна своей красотой. Род старый, почтенный, пусть и несколько обедневший. Но девушке прочили неплохое будущее, более того, после представления ко двору у нее появился жених...

Сладковатый запах дыма наполнял комнату, унимая дрожь.

– Был он, как водится, несколько старше невесты, но кто обращает внимание на подобные мелочи? Главное, что герцог Солсбери несметно богат, родовит и королю приходится пусть дальним, но родичем. Только девушка перспективы не оценила.

Джио держала трубку на ладони. И не горячо ей? Впрочем, она ведь огненный маг, а у них с огнем свои отношения.

Катарина отступила от двери, подумав, что стоит обзавестись парой засовов. На всякий случай.

– Накануне свадьбы она сбежала с неким мистером Нэшби, о котором только и знали, что он служил клерком при мелкой торговой конторе. Парочка эта, здраво рассудив, что родительского благословения ждать не стоит, отбыла в колонии. А заодно прихватила жемчужный гарнитур, подаренный герцогом к помолвке, да...

А у Катарина сбежать смелости не хватило.

Она ведь думала. После той первой и единственной до свадьбы встречи с Генрихом. Тогда Катарина пришла в ужас от мысли, что огромный этот человек, краснолицый, неопрятный, дурнопахнущий, станет ее мужем. Она знала, что просить отца бесполезно, и... думала сбежать. Только не решилась.

А ведь у нее тоже поклонник имелся, и, может, стоило бы рискнуть? Но Катарина всегда была трусихой.

– Семья от нее отреклась, что, конечно, не могло унять гнева Солсбери, который чувствовал себя оскорбленным. И немало поспособствовал тому, что Норрингемы оказались вне дворцовой жизни. Луиза, младшая сестра Элизабет, в конечном итоге вышла замуж, но не сказать, что супруга ее можно было счесть удачной партией. Баронет из мелких, не богат, не беден, почти неизвестен. Правда, впоследствии ему удалось исправить пошатнувшееся семейное положение, и ныне семья довольно-таки состоятельна...

Джио выдохнула дым.

– Но не настолько, как Нэшби. В колониях им повезло. В некотором роде... скажем так... своеобразное такое везение, которое дорого обошлось в итоге. Главное, что Нэшби сумел основать собственную компанию, которая росла, росла и выросла... ее представительства открылись не только во многих городах Британии, но и у франков с австрийцами. Нэшби принадлежали с полсотни кораблей...

– Принадлежали?

– Катарина была единственной их дочерью, но девочка проявляла куда больший интерес к вере, нежели к делам семейным. Ее выдали замуж за компаньона Нэшби Бертрама Говарда.

А вот если бы Катарина сбежала? Если бы нашла в себе силы? Отец не стал бы искать ее в колониях. И... может, действительно отправиться туда? В южные страны, где никогда не бывает холода, где крыши домов украшают золотом, а драгоценными камнями мостят улицы?

Где живут люди с черной кожей. И удивительные животные, о которых Катарина только в книгах и читала. Она купит себе дом на берегу моря, будет разводить розы и любоваться кораблями.

– Но, верно, и тот оказался не столь хорош. Во всяком случае, пару лет назад Нэшби продал компанию, выручив за нее, как понимаешь, весьма и весьма приличную сумму. Деньги он разместил в банках... в нескольких... поручив выплачивать дочери содержание. Весьма достойное.

– Сколько?

– Две тысячи соверенов в месяц.

Сумма была не просто приличной, ее хватило бы на многое.

– Но основной капитал он завещал внукам.

От которых Катарина отказалась, предпочтя покой обители Скорбящих Дев.

– Незадолго до смерти Нэшби продал свой дом в колониях. Он собирался вернуться на родину. Сколь знаю, ему был обещан титул. И орден Святого Губерта...

Немалая награда.

– Он не вернулся?

– Желтая лихорадка, – мьесс Джио сделала последний вдох. И дым задержала во рту. – Она унесла и его жизнь, и жизнь его жены... а еще зятя. Спаслась лишь Катарина, как она полагает, силой молитвы.

– Ты... с ней встречалась?

– Конечно. Должна же я была понять, что затевается. Как ни странно, вы с ней действительно очень похожи. Если бы она не морила себя голодом и молитвами, можно было бы сказать, что она хороша собой. А еще тиха и послушна. Идеальная женщина.

Это было сказано с сарказмом, который заставил Катарину поморщиться.

– Не злись, деточка...

– То есть... теперь я... наследница Нэшби?

– В какой-то мере да. Думаю, в конечном итоге Джон найдет способ прибрать состояние в казну. Здесь он пошел в отца, весьма рачительный молодой человек.

Который воспользовался удобным случаем, сказав, что хочет помочь. А Катарина не стала уточнять, кому именно он помогает. Ей ведь казалось, что все очевидно. И когда она поумнеет?

– Не стоит переживать, лапонька. Ты ведь хотела свободы? Ты ее получила. Джон хотел твою сестру и денег? Одно он уже получил, до второго доберется в перспективе, если кто-то не успеет раньше.

– Тетушка? – Катарина слабо улыбнулась. – И кузены?

– Родство не такое уж дальнее, но если подумать, то и не ближнее. Храмы против подобного брака возражать не станут.

– А деньги? Если бы Катарина ушла в монастырь, то деньги... что стало бы с ними?

– Интересный вопрос, – Джио выбила трубку о ладонь. – И своевременный. Короне отойдет. Согласно завещанию.

Короне, стало быть. Джио вздохнула и добавила:

– Дорогая моя, думаю, нет нужды говорить, что с утренними прогулками покончено? И вообще постарайся вести себя осторожнее...

Катарина кивнула. Постарается.

Глава 9

В порту Бристона пахло рыбой, морем, хотя до него был не один десяток миль, и людьми. Кайден прижал к носу платок и поморщился. Отыскать здесь хоть что-то?

Сомнительно.

Караван здесь был. И Дуглас беседовал с хозяином постоянного двора, который клялся, что купцы ушли утром, а куда, он того знать не знает, ведать не ведает. И подозрения эти ему непонятны. Неприятны.

У него приличное место. Господин сам может осмотреть, коль у него желание имеется. Желания не было, но Кайден поднялся по добротной лестнице. Остановился на втором этаже, вслушиваясь в разрозненные голоса мертвого дерева.

Это место и вправду было старым. Оно нарастало над собой, всякий раз опуская ниже и ниже каменное основание свое. И там, в подвалах, наверняка найдется много интересного. И хозяин, зная это, нервничает. Он бледен и потлив, суетлив без меры, спешит угодить королевскому дознавателю, втайне надеясь, что тот не задержится надолго.

Комнаты.

Обыкновенные. Не слишком велики, но и не сказать, что вовсе малы. Здесь пахнет уже людьми, и разными, и запахи эти мешаются, заставляя Кайдена сильнее прижимать к носу платок. Помогает мало, но он заставляет себя слушать это место.

Караван ушел.

И свидетели тому имеются. Да и хозяин, имея свое маленькое дело, пусть и не совсем законное, не станет вязаться с кровью. Слишком труслив. Слишком привык к жизни вот этой, может, и не самой лучшей, но и далеко не худшей.

Кайден развернулся и спустился в обеденный зал, по утреннему времени почти пустой.

– Сюда ведь многие приходят? – поинтересовался Дуглас, который крутил головой, будто оказался здесь впервые.

– Так... у меня кухарка хорошая... может, господин изволит отведать рыбной похлебки?

Кайден кивнул. Изволит.

И мысль Дугласа ему понятна. Если хозяин не виноват, тогда кто? Али – купец опытный, ему не раз и не два случалось водить караваны, пусть и с куда менее дорогим грузом, но... специи и шелка тоже многим интересны.

Он знает, как опасна дорога.

Кайден присел за ближайший стол и провел ладонью по шершавой, слегка липкой его поверхности. Скатертей здесь не держали, предпочитая скоблить дерево, отчего то почти утратило исконный свой цвет.

Дорога опасна.

А трое охранников отказались идти дальше. И пусть до поместья всего сутки пути, но... Али осторожен. Рискнул бы он нанять кого?

Вряд ли.

Всего сутки. И он выслал бы сына сообщить о прибытии, зная, что Кайден ждет и груз, и караван.

Похлебка была горячей, густой и острой до того, что даже Дугласу приходилось запивать ее водой.

Водой.

А в караване? Али не притронулся бы к вину или элю, как и к другой выпивке. А сыновья его? Он весьма строг с домашними. Ближняя охрана... а остальные?

Что это значит?

И значит ли хоть что-то? Суп вкусен, как и поданная к нему мелкая рыбешка. Ее запекали прямо на раскаленных камнях, посыпая крупной солью.

Кайден положил в рот кусок. Зажмурился. Стоит прийти сюда вечером. Только не в нынешнем обличье, которое заставляет людей коситься с подозрением, ибо королевских дознавателей, конечно, уважают, но само присутствие их настораживает.

– Я загляну, – Дуглас ловко развернул рыбешку и выгреб внутренности, которые полетели в миску. – Правда... сомневаюсь.

Он покачал головой. А Кайден кивнул, но добавил:

– Их здесь встретили. Больше нигде. Сам посуди. Караван шел морем, потом баркасами до Бристана.

Дуглас кивнул.

– Баркасы выгрузили и нагрузили вновь. Я узнавал. Ушли они тем же вечером.

Дуглас вновь кивнул. А Кайден сцепил пальцы:

– Если кто-то и остался, то это человек или два, слишком мало, чтобы навредить каравану.

– Маг?

– По пути ни одного всплеска. Я бы почуял.

А если не Кайден, то Призрак. Или Тьма. Однако сущности молчали.

– Думаю, дело не в грузе, – Кайден пошевелил пальцами. – Не в нынешнем...

Он потер переносицу.

– Каждый год Али приводит свой караван. Он идет до Бристана, а оттуда уже поднимается выше. Он привозит шелка и пряности, золото, полудрагоценные и драгоценные камни. И об этом знают.

Как знают и об охране, на которую дом никогда не скупился.

– Думаю, его ждали. Или не его? Ты узнавал? Не случилось ли в округе пропадать... другим караванам?

Дуглас слегка наклонил голову и коснулся широкого серебряного браслета, раскрывая купол тишины:

– За последние три года пропало девять караванов.

– Девять?! – Кайден подался вперед. – Почему я ничего не знаю?

– Семь из них были... не совсем легальны, – Дуглас поглаживал узоры на браслетах. – Скажем так, не все уважаемые купцы готовы платить подорожный сбор. А еще подушный. Товарный. И местный. Караваны числились паломниками.

Кайден дернул головой.

Человеческая жадность... не так уж велики налоги.

– А градоправитель?..

– Знал и был в доле, а потому, когда караваны сгинули, предпочел сделать вид, будто их не было.

– И паломников тоже?

Дуглас развел руками и пояснил:

– Мало ли что бы ты там нашел. Нет, им проще было смириться с убытками, чем внимание привлекать.

Стало быть, по святым местам паломники продолжают ходить, принося градоправителю доход, которого хватает, чтобы пережить пропажу.

– Еще один принадлежал некому Бхаррыкину, новгородскому купцу, который был здесь впервые. Дело расследовали. И нашли виновных.

– Даже так?

К градоправителю стоило наведаться. Кайдену казалось, что они с этим многоуважаемым человеком поняли друг друга. Но выходит, что именно лишь казалось.

– Повесили пятерых из мелкой банды, что промышляла на дорогах. И повесили за дело, – Дуглас покосился на человека, что замер у стены, старательно делая вид, будто ему вовсе не интересны посетители. – Но вот ничего из груза отыскать не удалось.

– Или так считается?

– Нет, – Дуглас покачал головой. – Лорд Тирби, конечно, еще та скотина, но границы знает. Не стал бы рисковать. Соболя – вещь приметная...

Как шелка. И камни. И слоновья кость. И черная земляная жижа, которую называли слезами пустыни, ибо рождалась она на старых камнях под безжалостным южным солнцем.

Кайден отодвинул миску с похлебкой.

– А знаешь, что еще интересно? – Дуглас вот свою порцию доел и рыбой не побрезговал. – Никто так и не понял, куда они пропали...

Это временно. Кайден во всем разберется.

...Тетушка Лу оказалась особой весьма деятельной. Голос ее громкий Катарина слышала то тут, то там и от этого голоса морщилась, чувствуя, как рождается в голове знакомое эхо грядущей мигрени. Но стоило тетушке замолчать, и мигрень отступала.

А потом вновь. И опять.

– Прошу простить мою матушку, – этот голос заставил Катарину подобраться и стиснуть покрепче круглый камень со скрытым внутри плетением. Камню давно следовало бы подыскать достойную оправу, но Катарина откладывала это дело.

Как и все прочие дела.

– И прошу простить меня, если напугал, – Кевин – или Гевин? – поклонился. – Мне показалось, что вам одиноко, и лишь поэтому я осмелился нарушить ваш покой.

– Ничего страшного, – солгала Катарина. А ей казалось, что этот старый балкон, что приклеился к западному крылу, в достаточной мере сокрыт от посторонних глаз.

Не угадала.

– Вижу, вам моя компания неприятна?

– Я привыкла к одиночеству, – она старательно отводила взгляд, потому что близость этого человека заставляла нервничать.

Лучше смотреть на выюнок, который обжился в мраморных цветочницах, где некогда обретались розы и прочие благородные создания. Ныне от них остались сухие стебли, которые служили выюнку опорой.

– Понимаю...

Кевин? Или все-таки Гевин?

Переоделся. И домашний костюм из мягкого твида ему идет, как и темный шейный платок, завязанный небрежным узлом. Мужчина красив, но не красивей Джона. Да и вообще... в последние годы вокруг Катарина появилось множество привлекательных мужчин, которые полагали, будто эта привлекательность дает им какие-то права на Катарину.

– В колониях, должно быть, все иначе...

Он замолчал. А Катарина кивнула. Она понятия не имела, как там в колониях, но подозревала, что действительно тамошняя жизнь изрядно отличалась от привычной.

– Матушка полагает, что мы можем составить друг другу партию, – ее окинули оценивающим взглядом, который заставил поежиться.

– Не думаю, что готова к новому замужеству.

– Вы ведь немолоды.

Это прозвучало почти обидно, хотя и было правдой. Двадцать семь – действительно много. Слишком много, чтобы рассчитывать, что она, Катарина, кого-то заинтересует.

– И дальше ждать нечего.

Гевин – она решила, что это все-таки он, – явно превратно истолковал ее молчание.

– Конечно, вы все еще хороши собой...

– Спасибо.

Он отмахнулся от этой благодарности как от чего-то ничтожного.

– И содержание ваш отец определил вам весьма достойное, но этого мало. Вы должны понимать, что ваш предыдущий брак, репутация вашей матушки, да и сама ваша жизнь – ведь о свободных нравах колоний ходит немало слухов – весьма затруднят обретение вами личного счастья. Я же предлагаю сделку.

Катарина обняла себя.

– Вы получите имя. Титул, который отойдет ко мне после смерти отца...

– А он собрался умирать?

– Вы забавны. Нет, конечно, но все мы смертны и рано или поздно титул станет моим, как и семейное дело. Я смогу вас обеспечить.

– Мне казалось, я уже обеспечена.

– Мы покинем эту глушь. Вы достойны того, чтобы быть представленной ко двору.

Катарину передернуло.

– Дом в столице. Поместье где-нибудь поблизости. Балы. Вечера.

Суэта и сплетни. Страх сделать что-то не так, снова не так, потому что «так» у Катарины не получается, несмотря на все ее старания. А ведь она старалась искренне.

Скрытые насмешки. Уколы.

Взгляды, что каждый раз ощупывают, выискивая новые и новые недостатки. Шепоток за спиной. Льстивые улыбки и уверения в преданности, верить которым – сущее безумие. Катарина весьма скоро это поняла. Ее всегда удивляло, как все это может казаться привлекательным?

– Или любой иной вариант, который вас устроит, – он оказался слишком внимательным, что раздражало. – Просто мне казалось, что женщинам нравится светская жизнь.

– Не всем.

Гевин чуть склонился, признавая ошибку.

– Я не буду вам докучать. Не стану контролировать. Я не ревнив. И при соблюдении неких приличий мы вполне сможем сосуществовать, не доставляя друг другу особых проблем.

Сосуществовать Катарина категорически не желала.

– Мой брат будет говорить о любви, но не обольщайтесь. Он всем о ней говорит и где-то даже искренне, но он – создание ветренное, сегодня любит вас, а завтра кого-то еще. Кроме того, Кевин совершенно не умеет обращаться с деньгами. Год или два, и вы окажетесь в долгах.

– Спасибо, – Катарина вымучила улыбку. – Я... учту.

– Учтите, – великодушно разрешили ей. – И поверьте, я научился ладить с женщинами. Я буду хорошим мужем.

Катарина стиснула камень в кулаке, с трудом сдерживаясь, чтобы не активировать плетение. Хватит с нее мужей! Хороших, плохих... всяких! Да она лучше дюжину кошек заведет, как и положено приличной старой деве. Или две... или три.

– Простите, – она нашла в себе силы посмотреть в темные глаза Гевина, и впервые страх не мешал, скорее подстегивал, вызывая неведомую прежде злость. – Но ваше предложение столь... великодушно, что я просто обязана обдумать его. В одиночестве.

И Гевин отступил в сторону.

Показалось, что он даже смутился. Определенно показалось.

Многоуважаемый лорд Тирби имел похвальное обыкновение принимать пищу под музыку. Струнный квартет скрывала ширма в восточном стиле. Беззвучно скользили лакеи, поднося одни блюда и унося другие.

Пахли розы. Молчали канарейки в посеребренных клетках, не решаясь беспокоить особу столь высокую. К счастью, в отличие от канареек на Кайдена заклятие немоты не действовало. Даже если бы лорд Тирби решился. Но он, будучи человеком осторожным, точно знал, на ком и какую магию применять можно, а кого не стоит тревожить.

– Паштет чудесен, – он предпочитал говорить о паштетах или вот о музыке, большим специалистом в которой себя мнил. Или вот о париках. К парикам лорд Тирби испытывал немалую страсть, зарождению коей способствовала обширная лысина. – С трюфелями и красным вином. Некоторые используют белое, но, поверьте, это весьма неосмотрительно. Белое вино в определенных сочетаниях начинает горчить, что может испортить изысканное блюдо. Согласитесь, кому понравится горечь?

– Никому, – послушно согласился Кайден. Паштет и вправду был хорош, как и перепела, тушенные в меду, и олень жаркое, и тонкое полупрозрачное мясо, высушенное на травах. И что-то еще... – Как и вранье. Вранье, оно куда хуже горечи.

На бледных щеках лорда вспыхнул стыдливый румянец, заметный и под слоем пудры.

– Не понимаю...

– Караваны, – Кайден поморщился. Никогда-то он не понимал этого вот человеческого обыкновения хитрить и изворачиваться. – Пропавшие. Ваши...

– Помилуйте, – почти искренне возмутился лорд и покраснел еще больше. – Я ведь не купец какой-то там...

– Вы градоправитель, поставленный именем короля блюсти закон и порядок, – Кайден воткнул серебряную вилку в кусок мяса, и лорд Тирби поморщился. Человек изысканный, он ценил в собеседниках хорошие манеры. – И мне глубоко плевать, торгуете вы или нет, платите налоги или нет...

Румянец стал и вовсе ярким. Лорд Тирби хлопнул в ладоши, и музыка оборвалась. Что-то зашелестело за ширмой, после раздалися шаги, причем двигались музыканты почти бесшумно. Для людей.

– Налогами я не занимаюсь. А вот исчезновения людей – дело иное.

– Поймите... – лорд Тирби слегка наклонился, и пышный шейный платок его почти коснулся серебряной тарелки. – Это дело... прошлое... все уже решено... все уже в порядке.

– Пропали мои люди.

– Что? – хлопнули ресницы, слишком длинные, чтобы быть настоящими, а румянец сменился бледностью.

– Мои. Люди. Пропали, – спокойно и отдельно произнес Кайден. Он поднял кусок мяса и, понюхав, впился в него зубами. Бабушка пришла бы в ужас от подобных манер, а вот лорд Тирби лишь слегка нахмурился. – Несколько дней тому. Бесследно. Как и ваши караваны. И тот купец из Новгорода. Вы знаете, руссы – очень нервные люди...

– Мы нашли виновных.

– А груз?

Лорд потупился.

– Не нашли, – сделал Кайден свой вывод. – Или... нашли?

– Кое-что... остатки... основной ушел.

– Куда?

– Они не знали. К сожалению, главаря взять живым не удалось, а рядовые... вы же понимаете, это чернь, которая и без того не отличается особым умом, а уж та, что идет в разбойники, это почти животные!

– Но вы их допросили?

– Естественно, – почти возмутился лорд Тирби. – Однако, увы, бесполезно.

– Совсем бесполезно?

Лорд отодвинул тарелку с нетронутой спаржей, откинулся в кресле, коснулся хрупкими пальцами кружевного воротника.

– Скажем так, кое-что мы узнали. Им указали на караван. И обещали помощь. И оказали... от них требовалось узнать, через какие ворота пойдет караван. А затем устроить на пути завал и... все остальное.

– И вам это не показалось странным?

– Чернь в принципе ведет себя нелогично, – палец лорда коснулся высокого его лба. – Им не хватает ума, чтобы оценить последствия своих поступков.

Накрашенные алой помадой губы изогнулись.

– Они ограничены и тупы.

– Но купца убили не они.

– У меня есть признание.

– Не сомневаюсь, – Кайден давно уже понял, что при толике свободного времени и неких весьма специфического толка умениях получить признание не так уж сложно. – Куда они дели тела?

Молчание.

И губы кривятся сильнее, словно лорд вот-вот расплчется. Пальцы мнут хрупкое кружево, а взгляд лорда Тирби устремлен куда-то вдаль. Но до ответа он снизошел.

– Они устроили засаду. И оглушили охрану. Судя по тому, что я понял, у них нашелся артефакт.

– Какой?

– «Голос Сирены».

– Даже так?

Не то чтобы местные разбойники вовсе не пользовались магией, но «голос Сирены», лишаящий воли, проникающий сквозь большинство охранных плетений, кроме вовсе уж специфических... нет, это чересчур.

– Сам, признаюсь, был поражен. Но мы нашли его. На теле главаря. К сожалению, уже неисправным... эти чудовища просто-напросто выковыряли драгоценные камни!

И коль остались живы, артефакт был разряжен.

Но возмущение благородного лорда Тирби вполне объяснимо. Подобное обращение с артефактами и вправду иначе как варварством не назовешь.

– Как артефакт вообще к ним попал?

– Они не знали. От... партнеров, которым и передали людей, как и часть груза. Честная сделка.

У Кайдена имелись собственные представления о том, какие сделки можно считать честными. Но он вновь промолчал, лишь выразительно провел ножом по тарелке. И лорд Тирби скривился.

– Поймите, мне не хотелось ненужного внимания. Я искренне полагал, что проблема решена. Разбойники, конечно, случаются, но орудуй здесь банда... неужели стала бы она проявлять подобную сдержанность? Погибших караванов было бы в разы больше.

Именно это Кайдена и смущало.

Большей частью.

Глава 10

Катарина подумывала сказаться больной и запереться в собственных покоях, но, глянув на себя в зеркало, усмехнулась. И получится, что она сменила одну тюрьму на другую? Просто куда менее роскошную? Нет уж.

Это ее дом. И она не позволит каким-то совершенно посторонним людям вести себя так, будто бы они в нем хозяева. Этого еще не хватало.

Она потеряла зудящие запястья – дом постепенно наполнялся силой, оживая, но этот вполне естественный процесс беспокоил скрытые плетения.

Надо потерпеть.

Катарина открыла шкатулку. Пара браслетов из белого золота, украшенных жемчугом и эмалью. Рисунок простой, но она сама наносила его, когда еще верила, что королеве позволено заниматься чем-то и вправду стоящим.

Металл коснулся кожи, успокаивая зуд. Вот так.

Платье, пожалуй, темно-лиловое, почти черное, напоминающее всем о трауре. И волосы зачесать гладко, убрав под черный бархатный чепец. Полупрозрачная вуаль упала на лицо, отделяя Катарину от мира. Впрочем, ненадолго, ибо вуаль Катарина откинула назад, закрепив парой жемчужных шпилек. Стоило бы горничной обзавестись, но сама мысль, что чьи-то руки вновь будут прикасаться к телу Катарины, к коже ее, к волосам, вызывала нервную дрожь.

Нет, она научилась управляться сама, и выходило неплохо.

Пудра? Нет.

И помадой пользоваться Катарина не станет. Бледна? Пускай. Пусть считают, что она, Катарина, не совсем здорова. Здоровье в принципе донельзя удобный предлог.

– Правильно, лапонька, – Джо наблюдала за этими приготовлениями, не пытаясь помочь, за что Катарина была несказанно ей благодарна. – И голову выше. Выживем. Потерпи немножко. Браслетик не сняла?

Катарина подняла руку. Пусть нить с нанизанными на нее камнями несколько выбивалась из общего образа, но с ней Катарина чувствовала себя спокойней.

Сама Джо сменила одно темно-красное платье на другое, отличное от первого разве что более темным, в черноту, оттенком. И ожерелье из огненных опалов лишь подчеркивало что темный отлив ткани, что белизну кожи. В полумраке Джо казалась куда более молодой.

И красивой?

Не в обычном смысле этого слова. Все же лицо ее было слишком узко и длинно, черты – неподобающе резки. Такие простительно иметь мужчинам. Но вот... клювастый нос. Резкие скулы. Темные глаза, которые и без подводки казались огромными...

При дворе у Джо имелось множество поклонников, до которых она порой снисходила.

А здесь? Здесь, как подозревала Катарина, мьесс не оценят.

Обеденную залу привели в порядок. Почти. Во всяком случае, паутина с потолка не свисала, пыль исчезла, как и отсыревшие старые портьеры, и теперь солнце, пробиваясь сквозь окна, оживляло витражи.

А они были чудесными.

Вот дракон.

И горы.

Море. Корабль с парусами, которые пылают золотом. Далекий берег. И печальная дева на этом берегу. За ее спиной виднеется огромное дерево, ветви которого расстилаются по-над головой девы, и над морем, и над кораблем, будто сами держат небосвод. А где-то дальше, на

самом горизонте, обожженные солнцем, плывут корабли с клювастыми головами. И видится в них что-то донельзя зловещее.

Катарина поневоле залюбовалась. И пропустила появление тетушки.

– Ах, дорогая, я так рада, что тебе стало лучше... – тетушка Лу облачилась в золотую парчу, которая, может, была бы уместна при дворе, но не на семейном ужине. – Мальчики сказали, что ты приболела, и меня это очень огорчило... очень...

Перстни и кольца.

Ожерелье на шее. Тяжелые серьги, почти достающие до покатых плеч. И кружево огромного воротника. Такие были в моде лет пять тому. Или десять даже? Господи, как давно... целая вечность, а Катарина помнит собственный воротник из тяжелого кружева, которое укрепляли железными спицами, а уже их ставили на ворот платья. И она жутко боялась, что ворот не выдержит, что спицы упадут и кружево – подарок жениха – порвется. Тогда бы отец разозлился и сказал, что Катарина слишком беспечна. Небрежна.

Она судорожно выдохнула и стиснула кулаки.

– Да, мне лучше, – Катарина слегка склонила голову. – Мы ждем гостей?

– Гости? Милая моя, какие гости в этой глуши. Не представляю, как этот дом вообще уцелел...

Чудом, не иначе. И принадлежал он, как Катарина теперь знала, бабке той, другой Катарины, которая единственная из семьи не отказалась от беглянки. И дом вот оставила. И прилегающие земли.

– Если хочешь знать... – знать Катарина не хотела, но тетушка Лу, потеснив Джио, взяла Катарину под руку, – молодой красивой женщине здесь совершенно нечего делать. Ты должна выезжать в свет. Для начала отправиться к нам. Мой Гарольд будет рад. Он сам говорил, что не стоит бросать бедное дитя в столь сложное для него время. Мы можем отправиться уже завтра. Я займусь твоим гардеробом, представим тебя свету, сперва, конечно...

– Витражи красивые, – Катарине надоело это слушать.

– Что? – на щеках тетушки Лу сияли золотые блески.

– Витражи здесь красивые. Не знаете, кто их делал?

– Понятия не имею. Какая разница?

– Действительно... их ведь давно ставили. И тот, кто делал, давно умер. Жаль. Чудесная работа.

Катарина высвободила руку и, оглянувшись на Джио, направилась к столу. Она заняла место во главе его, вздохнула и поинтересовалась:

– Ужин подадут?

– Мальчики еще не вернулись.

– Это их проблемы. Джио...

– Конечно, дорогая, – Джио хлопнула в ладоши, и огненные камни засияли чуть раньше.

– Это не очень вежливо, – тетушка Лу устроилась по левую руку Катарины.

– Не очень вежливо заставлять себя ждать, – Катарина расправила салфетку. – Я привыкла, что ужин подают в семь. Если в вашем доме иные порядки...

Ответом были поджатые губы.

– ...то мне жаль, но вам придется привыкнуть к нынешним.

– Деточка, послушай доброго совета, – тетушка Лу тщательно разглаживала полотняную салфетку. – Женщине следует проявлять большую гибкость, большее понимание... к мужским слабостям.

– Я уверена, – Катарина чуть склонила голову, – что жены моих дорогих кузенов с удовольствием примут от вас советы. И помощь. И проявят должное понимание... к мужским слабостям.

Ужин все-таки подали, и пусть был он далеко не столь роскошен, как во дворце, но Катарина почти наслаждалась тишиной и возможностью просто есть.

Есть и не думать о том, как она выглядит со стороны.

Прилично ли брать второй кусок мяса. И отказаться от рыбы, которая сегодня чересчур остра. Не давиться вареной фасолью, ибо целители решили, что именно фасоли не хватает, чтобы Катарина наконец исполнила свой долг перед королем и государством.

Фасоль с тех пор она ненавидела.

– И все-таки, девонька, – тетушка Лу то ли не умела обижаться долго, то ли обладала теми удивительными способностями к притворству, которых самой Катарине не хватало, но она улыбнулась и погрозила вилкой. – Я не представляю, как ты собираешься жить здесь... одна...

– Я не одна, – Катарина разрешила мясо, приказав себе всецело сосредоточиться на процессе. – Со мной мьесс Джо.

– Ужасная женщина.

– Почему?

– Она магия!

Джо хмыкнула.

– Это неприлично... женщина не должна вот так явно выставлять свои способности!

– Почему? – Катарине удалось изобразить улыбку.

– Что подумают мужчины?

– А какая разница, что подумают мужчины?! – ей было действительно интересно.

И тетушка Лу раздраженно смяла салфетку:

– Я не знаю, о чем думала моя сестра. Ей следовало бы выписать приличную гувернантку, которая бы объяснила тебе эти элементарные вещи...

– Мне жаль, – Катарина с трудом сдержала улыбку. – Но в колониях не так просто найти приличную гувернантку...

– Я вижу. Но она могла отправить тебя сюда! Я бы позаботилась о твоём воспитании, а теперь... девочка, женщина не может быть в чем-то лучше мужчины! Женщина создана Господом, чтобы быть надежной опорой, и только. Ее главная задача – семья, а все остальное... это пустая трата сил. Вот зачем женщине магия?

– А если даром наделил Господь?

– Он сделал это, чтобы женщина могла передать дар детям, и только!

– Он сам вам сказал?

– Катарина!

– Что? Мне просто интересно. У нас в колониях люди как-то не рискуют говорить, что в полной мере постигли замысел Господень. И мне подумалось, что здесь все должно быть иначе, – сдерживать улыбку становилось все сложнее.

А тетушка Лу раздраженно отбросила салфетку. Она явно разрывалась между желанием немедленно уйти, демонстрируя свою обиду, и подозрением, что никому-то здесь до этой обиды не будет дела.

– Тебе следует найти приличную компаньонку, – наконец произнесла она. – Зачем тебе мьесс?

– Защищать.

– От кого?!

– Мало ли, – Катарина пожала плечами. – Вы же сами сказали, что здесь глушь невероятная, вдруг да разбойники водятся?

– Разбойники? Что, вправду? – от дверей раздался веселый голос. – Матушка, а ты молчала!

– Кевин! – в голосе тетушки Лу послышался легкий упрек. – Нет здесь никаких разбойников. У нас приличная страна, все разбойники повешены.

– Совсем все? – уточнила Катарина. – Совсем-совсем?

А Кевин к ужину приоделся. И не только приоделся. Он словно сиял изнутри, и это сияние завораживало настолько, что Катарина моргнула, сиюсь избавиться от наваждения. А потом нащупала под столом браслет и сжала нужный камень.

Ее пытаются приворожить? Это незаконно!

С другой стороны, если никто не узнает... она посмотрела на Джо, а та кивнула. Тоже чувствует?

– Понимаете, – Катарина захлопала ресницами, – у нас в колониях разбойники – это серьезная проблема. Только одних повесишь, так другие появляются. И папенька, помнится, говорил, что сделать с этим ничего нельзя, что необходимо проявлять осторожность.

К слову, отец и вправду такое говорил, пусть и не Катарине. А еще добавлял, что одной осторожности недостаточно, нужно больше войск. Стражи. И виселиц.

– Ах, дорогая, – с появлением сына тетушка Лу ожила. – У вас в колониях дикие места, и очевидно, что жить там опасно. А здесь... не буду спорить, что порой случаются некоторые неприятности, но вас не тронут!

– Кто?

– Никто, – уверенно заявил Кевин, обходя стол по кругу, и сияние вокруг него стало вовсе нестерпимым, а руки опять зачесались, несмотря на браслеты.

Сказать им, что ли? Или нет?

Катарина тайком поскребла запястье.

– Пока мы здесь, мы не позволим, чтобы с вами что-нибудь случилось, – он коснулся руки Катарина и поднес к губам. И взглядом одарил таким, что у Катарина уши покраснели. От злости.

Даже во дворце ее не считали настолько душой.

– Как мило с вашей стороны, – руку она забрала и вытерла о платье, что не осталось незамеченным. – Но вы же не собираетесь оставаться здесь вечно?

Судя по взглядам, которыми Кевин обменялся с матушкой, они собирались.

– А потому мне уже сейчас следует подумать о своей безопасности.

– Сели бы вы куда, молодой человек, – меж пальцами Джо блеснул огонек. – У нас в колониях неприлично так над девушками нависать.

– Прошу прощения... – от следующего взгляда полыхали уже не только уши. – Я многое слышал о порядках, введенных в колониях...

Катарина поскребла вторую руку и велела себе сидеть смирно, а то ведь и до крови разодрать недолго. Надо вернуться к альбому.

К узорам.

Понять, как от них избавиться.

– А ваш брат где? – она вымучила улыбку и потянулась за вилок, потому как беседа беседой, а ужин ужином.

– Понятия не имею. Скорее всего в город отправился.

– Зачем?

Кевин остановился за спиной матушки, положив руки на спинку ее стула:

– По делам...

– Какие у него могут быть дела в городе, куда он только сегодня приехал? – поинтересовалась Джо, перекачивая огонек в пальцах, и Кевин следил за ним неотрывно.

– Помилуйте, это просто неприлично! – вспыхнула тетушка Лу. – Вот так спрашивать мужчину о делах... если он уехал, значит, так надо.

– Кому?

– Ему!

– Что ж, надеюсь, он вернется до одиннадцати, – Джо позволила огоньку вырасти, чтобы затем собрать в горсть и впитать в ладонь. – В противном случае ночевать он будет тоже в городе. Охранный периметр можно считать законченным, а мы в колониях привыкли рано отходить ко сну.

Тетушка Лу открыла рот. И закрыла.

А вот Кевин рассмеялся, и смеялся долго, слишком долго, чтобы Катарина поверила, будто этот смех и вправду означает веселье.

Глава 11

Мальчишка в ливрее был горд оказанным ему доверием. Он крутился в седле, волнуясь, как бы не отстал господин королевский дознаватель, как бы не затерялся он в густом лесу, где было и темно, и сыро, и комарье звенело на разные голоса.

Мальчишку дал градоправитель, пусть и без особой охоты, ибо искренне полагал дело закрытым, а пропавший наемный караван – досадной случайностью. Но королевским дознавателям отказывать не принято. Вот и выдали кого не жалко. Причем, как Кайденом подозревал, не жалко было не только мальчишку, но и солового старого мерина, что и по хорошей-то дороге шел медленно, что уж говорить о лесной тропе, которая вскорости и вовсе в чаще растворилась.

А лес, который давно уже у стен городских извели что на хворост, что на доски, что на иные важные нужды, становился все гуще, все темнее. Этот лес выставлял острые пики орешника, переплетая их с темными кустами бузины и крушины. Здесь не пахло цветами, а ноги проваливались во влажный мох.

Лошадей пришлось оставить на тропе, и Кайденом заключил их в круг. Волками не пахло, но мало ли. Мальчишка же подпрыгивал от нетерпения. Он ловко перескакивал через ямы, ящеркой нырял в мелкие овражки, почти не тревожа кустов. И даже птицы лесные не видели в нем угрозы.

Кайденом шел по следу.

А вот Дуглас лесов недолюбливал. Он потерялся где-то сзади, и из зарослей доносился лишь раздраженный голос, на который сойки отвечали возмущенным мяуканьем.

– Вот туточки, господин, их и побили, – сказал мальчишка, перескочив через узкий ручей, который почти исчез в темной подстилке. – Прямо туточки.

Место было укрытым. Удобным.

Поляна, окруженная молодыми дубками. Уже не хлысты, но еще и не гиганты, в ветвях которых город построить можно. Сама поляна – шагов двадцати в поперечнике, с одной стороны начинается болотце, которое хоть и выглядит мелким, но, как и прочие болота, натуру имеет препаскуднейшую. Наверняка чуть дальше расползаются топи со скрытыми тропами, по которым так удобно уходить от погони.

Точно топи.

Пахло на поляне гнилью.

Кайденом обошел старое кострище, почти исчезнувшее в траве. Остановился у ямины, которая некогда была землянкой, но крышу разломали, а содержимое растащило зверье или подобрали люди лорда. Теперь не понять.

Он присел у нее. Вдохнул.

– Кто вас сюда привел?

– Чегой? – Мальчишка хлопнул светлыми ресницами.

– Привел кто? Или сами нашли? – в этом Кайденом сомневался. Уж больно долго идти пришлось, и местечко упрятано хитро, и болото имеется. Если бы люди Тирби шли тропой, разбойники не стали бы связываться, просто убрались бы вглубь топи, чтобы позже вернуться.

Мальчишка поскреб шею:

– Так это... старшой... не знаю... велел собираться. И мне тоже. Чтоб, значит, при конях. Я, как побивали, не видел. Уже потом помогал вещи собирать, да... и кровищи туточки было! Страх!

Правда, сказано это было отнюдь не со страхом, скорее с восторгом.

– Твою ж мать... – Дуглас вывалился-таки из кустов и огляделся. – Да уж...

И пару слов покрепче добавил. А сам говорил, что благородные люди не матерятся. Он отряхнулся, отцепил от плаща репейник и, оглядевшись, произнес:

– Занятно.

И Кайден согласился, что да, весьма занятно. Он обошел поляну по кругу дважды, остановился у болотной тропы, запах которой еще ощущался, хотя времени прошло изрядно. Впрочем, не стоило обманываться, вряд ли этот запах продержится больше пары шагов. Он ногой попробовал мягкий дерн, выглядевший достаточно прочным, чтобы выдержать вес тела.

И заманчиво было бы пройти дальше, но... нет.

Обернувшись, Кайден убедился, что давешний мальчишка внимательно следит за каждым его шагом. И не стоило обманываться, не собственное его любопытство было тому причиной.

Кайден отошел к центру поляны. Крутанул. И присел. Пальцы вошли в жесткую траву, а Кайден закрыл глаза. Вряд ли он вытащит хоть что-то, но почему бы не попробовать.

Гудели пчелы.

Муравьи спешили, касаясь пальцев. Им не было дела до забот людских. А вот корни... корни помнят многое.

Огонь. И кровь.

Много-много крови... пролилось. Давно? Давно. Восприятие времени растений отлично от человеческого, и Кайден поморщился, чувствуя, как сознание затягивает в извечный круговорот жизни.

Снег. Вода. И вода со снегом. Солнце, которого становится мало. Тяжелая листва, не способная удержаться на ветвях. Она ложится под корни, укрывая их и тех, кто обретаётся внизу.

Разбойников побили осенью, и листва только-только начинала осыпаться, а деревья еще не погрузились в долгий зимний сон.

Что ж, это совпадало.

А раньше?

Тоже кровь? Мало. Редко. Стало быть, банда и вправду заслужила виселицу. Люди... много. Огонь. Тоже много. Топор. И хруст ломающихся веток. Снова кровь. И опять кровь. И душный, тяжелый запах наступающего болота. Вода, которая поднимается выше, отгрызая берег кусок за куском. Она заливает корни, заставляя те задыхаться, и потом, позже, поглощает мертвые тела деревьев. Они становятся частью болота, порастая мхом и ряской, покрываясь пленкой мертвой силы.

Чуждой силы. Противной всему живому.

Кайден вытащил руку и вытер пальцы о штаны. Голова кружилась. И он сел на траву, а потом лег, сунул руки под голову и просто лежал, уставившись пустым взглядом на солнце. И солнце не ослепляло. Напротив, его тепло пробивало кожу, согревая кровь, вновь позволяя дышать.

Да, самое главное, не забывать дышать. Вот так.

Вдох. И выдох. Ребра ходят, грозя разворотить грудную клетку. Но Кайден терпит. Вдох. И выдох. И снова вдох, чтобы потом выдох. Сила успокаивается, возвращаясь в хрупкий сосуд человеческого тела. А Дуглас, усевшись рядом, протягивает флягу с заговоренной водой.

Он молчит, но в глазах видится упрек. И вопрос. Неужели оно того стоило?

– Стоило, – говорит Кайден, когда к нему возвращается способность говорить. – Еще как... теперь я знаю, куда они ушли.

– Куда?

– Туда, – он вскинул руку, указывая на болото. – По мертвой тропе.

И Дугласу не надо растолковывать очевидное.

– Твою ж мать... извини.

– Ничего, – когда солнце стало невыносимо ярким, Кайден закрыл глаза.

Катарина разложила альбомные листы, состыковав края узора. И на этом желание работать иссякло. Точнее, желание было, но где-то глубоко внутри, оно тлело под пеплом надежд и пустых мечтаний, а разум нашептывал, что стоит ли бороться с ветром?

Узор составляли опытные мастера. Ученые.

И он совершенен в каждом изгибе своем. Так на что Катарина надеется? Думает, что она умнее королевских целителей?

Не думает. Она сидит, разглядывая листы, заставляя себя смотреть, потому что заняться больше нечем.

Стук в дверь стал почти спасением, и поэтому, должно быть, Катарина вскочила, бросилась к двери и открыла, не спросив, кто за ней.

– Ах, дорогая, – тетушка Лу вновь сменила наряд на бледно-розовый. И цвет ей шел, как и розовый камень в светлой оправе.

Турмалин. И серебро. Позолоченное для солидности, но все одно серебро. А в камне заклиние свернулось ящеркой. Оно живо и пульсирует, наполняя тетушку силой, придавая сияние увядающей коже и избавляя от морщин. Наверное, стоит предупредить, что, как только заряд иссякнет, кожа вновь начнет стареть, и весьма стремительно.

Или не стоит? Вряд ли тетушка не понимает, что за все приходится платить. В том числе и за затянувшуюся молодость.

– Я подумала, что нам стоит поговорить наедине. По-родственному, – тетушка решительно переступила через порог и дверь прикрыла. – Пока твоя... мьесс занята.

Да. Точно.

Джио говорила, что отлучится, что ей нужно проконтролировать мага, который завтра собирается заняться реконструкцией ведущих каналов, а это дело такое, непростое. И Джио велела сидеть в комнате. Никого не впускать.

А Катарина забыла. И впустила.

Тетушка Лу вплыла в покои Катарины, огляделась, поморщилась. И платочек к носу прижала, хотя комнаты хорошо проветрили, а на столике появился букет лаванды.

– Если хочешь знать мое мнение, эта женщина совершенно ужасна.

– Не хочу.

– Что? – тетушка обернулась.

– Я не хочу знать ваше мнение. И не хочу говорить по-родственному. И буду весьма благодарна, если вы уйдете. Я занята.

– Да чем ты можешь быть занята? – отмахнулась тетушка Лу, сбросив с кресла книгу. Катарины.

Давно начатую, но так и не дочитанную. Генрих вот любил, когда жены читали ему вслух. И Катарина читала, но почему-то при этом совершенно не запоминала, о чем именно читает.

– Что это за глупости? – тетушка подняла лист и поднесла к глазам. Поморщилась. – Ты вышиваешь?

– И вышиваю тоже, – Катарина лист вытащила. – Это руны. Заклиние.

Надо силовые потоки разметить, тогда станет понятна очередность узлов, да и точки наивысшего напряжения силы выявить следует.

Именно.

А дальше выбрать те, которые находятся на критическом или подкритическом уровне нагрузки. Полностью убрать заклиние нельзя, это Катарина уже поняла. Но почему бы не попробовать его преобразить? Доработать? Перенаправить силовые потоки...

Мысль заставила задуматься.

– Ты меня совсем не слушаешь, – с немалым раздражением произнесла тетушка Лу, и платочек исчез в рукаве, сменившись крупным круглым камнем на веревке.

– Не слушаю, – Катарина устроилась в кресле напротив и сложила листы аккуратной стопкой.

Сейчас она была почти счастлива и даже немного благодарна незваной гостье, которая взяла и своим появлением натолкнула Катарину на мысль. Пусть и совершенно очевидную, но... предыдущие пять лет ее голову не посещали даже очевидные мысли.

– Деточка, – тетушка сжала камень, над которым замерцал полог силы. – Ты должна понять, что здесь иные порядки.

Марево зыбкое, и пальцы окутывает, будто ластится.

– И то, что позволено в колониях, просто-напросто недопустимо в цивилизованном мире!

– Что именно? – уточнила Катарина, мизинцем коснувшись запястья.

И пусть узоры почти не видны, но она изучила их, она научилась видеть пальцами каждый завиток, каждую руну, выжженную на коже.

– Эта женщина... отошли ее!

– Зачем?

– Подумай о своей репутации!

– Мне казалось, что присутствие компаньонки как раз свидетельствует о том, что я забочусь о своей репутации.

– Но не такой же, – тетушку было сложно смутить. – Если тебе нужна компаньонка, я порекомендую тебе достойную женщину...

– Нет, – Катарина позволила себе улыбнуться. – Мне не нужна компаньонка. А что касается мьесс... поверьте, все не так просто...

– Если эта женщина тебя пугает...

– Мьесс? – Катарина фыркнула. – Когда-то да... определенно... она меня пугала. Но теперь мы связаны. Клятвой крови.

Палец очертил круг на ладони.

– Клятвой жизни. Такова была воля... отца.

Почти правда. Он привел Джою. Он взял клинок и, зажав ладонь Катарины, велел: «Стой и не дергайся, и повторяй за мной. Надеюсь, у тебя хватит ума просто произнести клятву?»

– Он всегда был странным человеком...

– А вы... были знакомы? – Катарина с интересом наблюдала за женщиной, которая пыталась направить силу весьма капризного артефакта.

– Увы... да... и не знаю, что тебе рассказала матушка... – напыленные губы сомкнулись.

– Ничего. Она не любила вспоминать прошлое.

Да и вообще разговаривала мало и редко покидала собственные покои, пусть и обставленные весьма роскошно – а как иначе, ведь она супруга самого Годдарда, – но все же невыносимо тесные.

В них всегда пахло резко, неприятно.

Дымили курительницы. И старуха в красном одеянии сыпала в них листву. Матушка вдыхала дым и улыбалась, радовалась, так казалось Катарине. И, радостная, встречала мужа, чтобы подарить ему очередного ребенка. Правда, о детях она забывала сразу после того, как выталакивала их из собственного тела, но все благородные дамы передавали младенцев прислуге. И не младенцев.

– Конечно... понимаю... она, пожалуй, была на меня обижена, а я на нее. Я ведь ей завидовала. Ее красоте. Ее положению. И тому, что на нее обратил внимание сам герцог. Я тоже не отказалась бы стать герцогиней. Она же твердила о любви. И это казалось глупостью, будто недостаточно ей было того, что случилось с Эвелиной Гленстон.

Тетушка вздохнула и отвернулась к окну.

– Я бы с радостью поменялась с ней местами, но, увы, и вполнину не была столь хороша, как она, да... а потому, узнав, что она собирается бежать, я промолчала. Мне следовало бы обратиться к родителям, и отец сумел бы найти способ... удержать ее.

О да, способов много.

Катарина тронула щеку, которая вновь заняла от пощечины. Катарине хватило одной, а вот Луизу отец отправил в монастырь, откуда она вернулась спустя два месяца тихой, молчаливой и невыносимо похожей на матушку в равнодушии ее.

– Но я... я была молода и глупа. Я решила, что если ее не станет, то я займу ее место. Это... было неправильно.

Катарина кивнула.

– И я не сразу поняла, насколько моя глупость ударила по семье. Я могла бы найти себе мужа, хорошего мужа... многие бы захотели породниться с сестрой герцогини.

Только герцогиня не состоялась.

– Потом... позже... я винила во всем ее. И была права. Ей следовало бы думать не только о собственных удовольствиях, но и о семье, которой пришлось сложно. И, признаюсь, в письмах своих я позволила себе некоторую... резкость. И теперь жалею. Мне стоило помириться с Бетти раньше, но я вновь опоздала. И теперь все, что осталось от моей семьи, это ты. И я искренне хочу помочь.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Катарина.

Правда, потом вспомнила, что в той, прошлой, жизни желающих помочь тоже было немало. И помогали они зачастую, не спрашивая, желает ли Катарина принимать эту вот помощь, а после требовали благодарности. Услуги. Внимания. И всего сразу, искренне обижаясь, когда Катарина отказывала в этакой-то малости.

– Я так много думала... я так переживала... когда пришло то письмо от Бетти, в котором она искренне просила прощения, я... я понадеялась, что мы помиримся. А потом мне сообщили, что моей сестры больше нет.

По розовой щеке скользнула слеза.

Интересно, а если горный хрусталь взять за основу? Он, конечно, более хрупок, нежели алмазы, и обладает куда меньшим сродством к силе, но и обрабатывать его легче. Почему тогда его если и применяют, то крайне редко?

– И тут я узнаю, что ты возвращаешься. Заметь, узнаю не от тебя, но от нашего поверенного... – тетушка выставила палец. – И конечно, я рада... я не просто рада... это как мой шанс все исправить!

Надо будет сказать Джио о поверенном.

А еще спросить, почему тогда, десять лет назад, она согласилась разделить свою жизнь с испуганной девчонкой. У Катарина выбора не было. А у Джио? Или она тоже задолжала отцу? Но что?

И может ли Катарина как-то помочь? Хотя... чем она может помочь? Она и королевой была на редкость бестолковой, а сейчас она просто вдова... чья-то там.

– Дай мне шанс, дорогая, и ты увидишь, как все изменится. Этот дом... он давно вышел из моды. Его стоит продать, пусть много и не дадут, но у нас есть свое поместье, оно куда больше и современной этого. И дом в столице, конечно, не в старом городе, но почти... я познакомлю тебя с чудесными людьми.

– Я не хочу.

– Чего?

– Наверное, – Катарина задумалась, – ничего из того, что вы перечислили. Я не хочу продавать дом. Он мне нравится. И уединенность его тоже. Я не хочу переезжать в ваше поместье. Или в ваш дом. Я не хочу в столицу...

Она вовремя прикусила язык и не сказала, что нет в старом городе ничего-то хорошего, лишь темные стены, узкие улочки, которые летом раскаляются, а осенью и весной заполняются потоками грязной воды. Там воняет, несмотря на усилия магов и новые законы. А еще там слишком много людей.

– Я не хочу знакомиться с чудесными людьми. Мне и без того достаточно знакомств. Я хочу тихо жить здесь и заниматься делом, которое мне действительно интересно.

– Здесь ты не найдешь себе мужа.

– А как же ваши сыновья? – поинтересовалась Катарина, склонив голову набок. – Они не подойдут?

Тетушка отвернулась к окну и вздохнула.

– Я надеялась, что вы понравитесь друг другу, – наконец сказала она. – Однако я вижу, что ошибалась. Пойми, дорогая, я не стану принуждать тебя к браку. Мальчики – достойные молодые люди. И возможно, вам нужно больше времени, чтобы привыкнуть друг к другу. Или осознать, что, несмотря на все твои потери, жизнь продолжается...

Она убрала камень в складки платья.

– Я, конечно, понимаю, что тебе пришлось тяжело, что сейчас ты растеряна, а потому предлагаю просто дружеское плечо...

Тетушка Лу поднялась.

– И еще... – у дверей она остановилась, окинув Катарину внимательным взглядом. – Я несказанно рада узнать, что кого-то из нашей семьи боги наделили даром... странно только, что Бетти об этом упомянуть не удосужилась.

– Может, не считала, что это важно? – Катарина тоже поднялась. – В конце концов, к чему женщинам магия?

– Действительно.

Глава 12

Кайден мрачно жевал мясо. Он взял кусок руками, поставив локти на стол, но в таверне никто, кроме Дугласа, не оценил по достоинству мятежный порыв его души. Заведение было из простых, и оттого люди если и косились на Кайдена, то вовсе не из-за его манеры есть.

Пальцы он облизывал.

– Болотники, стало быть, – Дуглас вот вяленую говядину нарезал тонюсенькими ломтиками, которые макал в темный острый соус и заедал хлебной коркой. – Уверен?

– Тропа старая. И для людей проложена, – Кайден поморщился. – Пользовались часто, потому и не заросла, но если дальше сунуться, думаю, выйдем на открытую воду.

А там и за топью дело не станет. Топи здесь имеются.

Местные болота, появившиеся в незапамятные времена, некогда простирались от Бристона до подножия Сизых холмов, с которых они и питались, поглощая воду осенних дождей. Но пришли люди и часть болот осушили, а другие высохли сами, лишившись хозяев. И огромная некогда топь распалась на куски, притихла.

– Может, все-таки...

Дуглас мясо и не жевал, медленно рассасывал с видом презадумчивым.

– Нет. Все сходится. Теперь понятно, почему не нашли ни людей, ни животных. Почему сама их смерть не потревожила струны мира.

Кайден сыто икнул и бросил на тарелку обглоданную кость. Облизал губы. Тронул языком выступающие клыки, которые бабушка некогда искренне надеялась подпилить. Благо она вовремя поняла, что ничего-то из этой затеи не выйдет.

– А вот если их тихонько притопили... – кивнул Дуглас.

– Если притопили, – Кайден потер руку о руку, теперь ему и здесь чудился гниловатый запах болота. – Хуже, если царица вызрела и расширяет улей.

Вот тут Дугласа передернуло. Он с упреком взглянул на подопечного и сказал:

– Не за столом же.

– Я поел. Но будь это улей, людей пропадало бы куда больше. Думаю, она готовится войти в силу, вот и делает запасы. И стало быть, люди еще живы...

И жизнь эта будет длиться годами.

Да, пожалуй, за столом о таком думать не следовало.

– Что живы – это хорошо, что болота – это плохо. На болотах мы их не найдем. Вода... – Дуглас подцепил очередной ломтик мяса. – Вода силу распыляет.

– На болотах и не надо. Они среди людей. Кто-то ведь договаривался с разбойниками. Кто-то принес им «голос Сирены». Кто-то научил, как остановить караван. И кто-то сдал же их лорду Тирби, зная, что дальше копать он не станет. Нет, она не так и юна, скорее наоборот. Она жила среди людей и умеет прятаться, притворяясь человеком.

Кайден задумался, прикусив щеку. Опомнился лишь от резкой боли, и рот наполнился кровью.

– Мы найдем эту тварь, а с ней и остальных. Надеюсь, успеем.

Иначе судьба их будет незавидна.

Катарине не спалось.

Постель вдруг сделалась неудобна, будто кто-то сыпанул в перину крошек и теперь Катарина чувствовала их. И как бы она ни легла, вскоре лежать становилось неприятно, а после и невыносимо. Ныли ноги. И руки.

И шея.

И спина, кажется, тоже. Но хуже всего, что Катарине хотелось спать. Она легла на спину, скрестила руки на груди и заставила себя лежать смирно, считая руны, только раз за разом сбивалась и злилась оттого еще сильнее.

– Я оттуда слышу, как ты сопишь, – Джо убрала стул от двери и уселась на него. В ночной короткой рубашке она походила на призрака. Весьма, следовало заметить, непристойного призрака, ибо пристойные не носят алых подвязок и рубашек, отделанных французским кружевом. – Не спится?

– Не спится, – Катарина вынуждена была признать очевидное. – А тебе?

– И мне, как видишь.

Джо натирала ногти замшевой тряпочкой.

– Нервы? – осведомилась она.

– Не знаю. Наверное... тетушка эта... мне кажется, она подозревает, что я – это...

– Не ты?

– Не я.

– Пускай подозревает.

– А если... захочет проверить?

– Как?

– Кровью.

– Через королевский артефакт? – усмехнулась Джо. – Кто ж ей даст?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.